Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

Круглый стол
памяти профессора А. И. Юрьева
«ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И КОГНИТИВНЫЕ ВОЙНЫ»

Монография

Санкт-Петербург
2026

УДК 316.6:32
ББК 60.56:66.0я431
К84

Рецензенты:

Мушкет И. И., д-р юрид. наук, профессор, директор Международного института мониторинга развития демократии, парламентаризма и соблюдения избирательных прав граждан государств — участников МПА СНГ;

Огарёва Е. И., канд. психол. наук, доцент кафедры социальных технологий СЗИУ РАНХиГС

К84 **Круглый стол памяти профессора А. И. Юрьева «Политическая психология и когнитивные войны»** : монография / отв. ред. И. С. Бурикова. — СПб. : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2026. — 120 с.

ISBN 978-5-89781-901-0

EDN SBRKJR

В монографии представлены материалы круглого стола, посвященного роли политической психологии в противодействии когнитивным и гибридным войнам (Санкт-Петербург, 06.10.2025). В рамках круглого стола специалисты различных школ политической психологии, ведущие политологи, философы, социологи и эксперты в области массовых коммуникаций обсудили возможности противодействия информационно-психологической агрессии инструментами политической психологии. Рассмотрены вопросы социального моделирования, архитектуры общественного сознания, проанализированы теоретические подходы и практические инструменты, разработанные представителями научной школы профессора А. И. Юрьева.

Издание адресовано ученым, преподавателям, аспирантам, государственным служащим, специалистам в области политического управления, коммуникаций и всем, кто интересуется проблемами информационной безопасности и психологической устойчивости общества.

УДК 316.6:32
ББК 60.56:66.0я431

ISBN 978-5-89781-901-0

© Коллектив авторов, 2026
© Северо-Западный институт управления РАНХиГС, 2026

Содержание

Предисловие *(И. С. Бурикова, М. А. Пушкина)* 5

Приветственное слово *(А. Д. Хлутков)* 7

1. Архетипические образы в политической коммуникации *(Е. Н. Минченко)* 9
2. Незаслуженно забытые философы *(М. М. Решетников)* 12
3. Когнитивная безопасность — «наш ответ Чемберлену» *(И. Ф. Кефели)* 17
4. Сепаратистский дискурс и когнитивные инструменты воздействия на сетевую аудиторию *(Г. С. Мельник)* 20
5. О значении политической психологии в современных условиях гибридных войн *(А. А. Рябоконь)* 29
6. Четыре уровня интеллектуальной экспансии и проблема их кадрового обеспечения *(М. А. Коновалова)* 30
7. Психотехнологии — «оружие массового поражения»? *(А. Л. Катков)* . . 42
8. Когнитивная война: признаки гражданских конфликтов будущего *(С. С. Уралов)* 48
9. Использование разработок А. И. Юрьева в современной инструментальной когнитивистике *(А. С. Огнёв)* 52
10. Национальный коммуникационный суверенитет: концепция и большие вызовы для России *(Д. П. Гавра)* 57
11. Негативное информационное воздействие на население СКФО: ключевые акторы и направления противодействия *(В. С. Шевцов)* 62
12. Стратегии агонизма и антагонизма и региональный символический геополитический капитал *(К. Э. Аксенов)* 67
13. Деформация исторической памяти как инструмент информационно-психологической войны *(О. С. Дейнека)* 77
14. Механизмы стабилизации массового политического сознания в периоды когнитивных и гибридных войн *(К. Б. Джгамадзе)* 81
15. Технологии вербовки в условиях когнитивных войн *(О. В. Попова)* . . . 86
16. Когнитивные угрозы: вызовы и противодействие *(А. В. Забарин)* 91

17. Роль политического психолога в настройке отношений между властью и обществом: мечты и реальность *(А. В. Ершов)*. 94
18. Когнитивный щит: коммуникативные стратегии поддержки жертв финансового мошенничества в кредитных организациях *(О. В. Медяник)*. 99
19. Роль социальных архитекторов в современных когнитивных войнах против России *(И. А. Ветренко)* 104
20. А. И. Юрьев о качестве информации и деструктивных политических эпидемиях *(И. С. Бурикова)* 107

Аналитическая записка по результатам круглого стола памяти профессора А. И. Юрьева «Политическая психология и когнитивные войны» 110

Участники дискуссии 113

Сведения об авторах 116

Предисловие

Данная коллективная монография «Политическая психология и когнитивные войны» подготовлена по материалам круглого стола, проведенного 6 октября 2025 г. в Северо-Западном институте управления РАНХиГС. Стержнем обсуждения стало теоретическое наследие профессора Александра Ивановича Юрьева, основателя школы политической психологии в России. В докладе «Хотят ли русские войны?» он сказал: «...Войны выигрываются не на полях сражений, а в сознании гражданского населения. Целью современных войн является уничтожение не столько армии противника, сколько его гражданского населения. Для победы надо всего лишь лишить противника сознания, воли, веры, надежды...» Этот текст, опубликованный в 2002 г., спустя четверть века подтвердил свою прогностическую силу. В условиях глобальной цифровой трансформации тема когнитивных войн — борьба за человеческий разум — приобретает особую актуальность. Масштабные деструктивные информационные потоки ведут к фальсификации реальности, когда размываются границы между подлинными событиями и их симуляцией. В такой искаженной реальности человек утрачивает способность отличать правду от лжи, «своих» от «чужих», а историческая память подменяется мифами. Информация фактически превращается в оружие массового поражения, способное изменять сознание народов, искажать ценностные ориентиры, дезориентировать общества и дестабилизировать политические системы.

Авторы монографии — ведущие политологи, психологи, философы и эксперты-практики — сосредоточились на поиске ответов на наиболее острые вызовы современности. В книге представлен анализ конкретных механизмов когнитивных атак и инструментов защиты. Рассматриваются технологии вербовки, превращающие людей в послушных исполнителей деструктивных действий. Исследуются методы манипуляции общественным сознанием через деформацию исторической памяти и насаждение сепаратистских дискурсов в сетевой среде. Раскрываются приемы финансового мошенничества, построенные на нейробиологическом воздействии и перегрузке когнитивных механизмов жертвы. Особое внимание уделяется инструментам противодействия, от разработки «когнитивного

щита» в банковской сфере до выстраивания интеллектуальной экспансии как альтернативы деструктивным информационным потокам.

В эпоху когнитивных войн политическая психология становится важной частью национальной безопасности. Фальсификация реальности сегодня — не сюжет из антиутопии, а повседневный технологический процесс, своего рода «королевство кривых зеркал», в которое мы погружены здесь и сейчас. Благодарим всех авторов за вклад в развитие политической психологии и практическую направленность проведенных ими исследований. Рассчитываем, что данная монография будет способствовать дальнейшему развитию научной школы политической психологии и станет полезным инструментом для защиты общества от деструктивных информационных воздействий.

Монография адресована не только ученым и преподавателям, но и государственным и муниципальным служащим, политическим консультантам, специалистам в области стратегических коммуникаций, социальной архитектуры, информационной политики и всем неравнодушным гражданам России.

Приветственное слово

Уважаемые коллеги!

Мы рады приветствовать вас на сегодняшнем круглом столе, посвященном одному из самых острых и актуальных вызовов современности — феномену когнитивных войн. Мы убеждены, что осмысление этой проблемы имеет ключевое значение как для научного сообщества, так и для общества в целом.

Актуальность повестки обусловлена целым рядом причин. Главная из них — продолжающаяся уже четвертый год специальная военная операция, в ходе которой со всей очевидностью раскрылись и обострились глубинные противоречия современного мира. Часть из них прежде пребывала в латентном состоянии, о чем мы, возможно, догадывались, но не всегда говорили вслух, в том числе из прагматических соображений, выстраивая отношения с партнерами. Сегодня мы являемся свидетелями настоящей глобальной трансформации.

Пандемия и последовавшая ускоренная цифровая трансформация заметно изменили поле социального и политического влияния, предоставив новые инструменты для масштабирования когнитивных войн. Масштабы их воздействия сегодня поистине огромны. Зачастую в информационном пространстве разворачиваются события не менее драматичные, чем на поле боя. Участниками этих событий становятся не только подготовленные военные специалисты, но и, что особенно важно, наша молодежь, студенты, которые порой оказываются не защищенными от интенсивного внешнего воздействия.

Значимость и своевременность нашей дискуссии трудно переоценить. Сегодняшняя встреча объединяет ведущих специалистов для глубокого анализа тех трансформаций, свидетелями которых мы являемся. Мы благодарны всем участникам проекта за готовность поделиться своим опытом и идеями в рамках этого профессионального диалога.

Наша встреча обретает особый смысл как дань памяти и продолжение научной традиции, заложенной Александром Ивановичем Юрьевым — выдающимся советским и российским ученым, одним из основоположников политической психологии как научной дисциплины в нашей стране. Его идеи о государстве как социальном конструкте,

в основе которого лежат память, энергия и символика, сегодня звучат особенно актуально. Президентская академия в Санкт-Петербурге, а именно кафедра социальных технологий, продолжает эту традицию, готовя специалистов-психологов всех уровней — от бакалавров до профессоров. Ученики Александра Ивановича работают на кафедре, сохраняя и развивая его научное наследие, соединяя теорию с практикой.

В этих условиях политическая психология выходит на первый план не просто как академическая дисциплина, но как один из ключевых инструментов обеспечения социальной стабильности и национальной безопасности государства. Детальное изучение данных вопросов и содержательный обмен опытом приобретают стратегическое значение, становясь элементом обороны в широком смысле этого слова. Столь же важна подготовка квалифицированных специалистов, способных распознавать признаки когнитивных и информационных войн и эффективно им противостоять.

Президентская академия в Санкт-Петербурге занимает в этой работе передовые позиции. Мы не просто наблюдаем за процессами, но аккумулируем знания, обучаем студентов и создаем площадку для профессионального диалога. Образовательные программы, участие в реализации национальных задач, разнообразные исследовательские проекты — все это направлено на подготовку специалистов, понимающих не только правовые нормы, но и глубинные психологические динамики общества, союзников и оппонентов в когнитивном пространстве.

Надеемся, что сегодняшняя дискуссия послужит важным вкладом в развитие политической психологии и будет полезна как специалистам, так и всем интересующимся вопросами когнитивного противоборства в современном мире.

Желаем всем плодотворной работы и конструктивного диалога!

А. Д. Хлутков,
директор Северо-Западного института управления
Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
доктор экономических наук, профессор

1. Архетипические образы в политической коммуникации

Е. Н. Минченко

Для меня большая честь выступить на столь представительной конференции, тем более в день рождения Александра Ивановича Юрьева. На мой взгляд, это был поистине великий человек, который внес большой вклад в развитие страны. Кстати, именно он познакомил тогда еще вице-губернатора Санкт-Петербурга Владимира Владимировича Путина с председателем Правительства Российской Федерации Виктором Степановичем Черномырдиным.

Александр Иванович являлся и по-прежнему является для меня моральным камертоном, человеком, который задавал очень высокие профессиональные стандарты. Очень важно то, что сделала петербургская школа политической психологии для формирования образа профессии и восприятия профессиональной деятельности политического психолога как благородного труда.

Александр Иванович говорил о политике: самое худшее, что только может быть, — это утверждение, будто политика — это грязное дело. Ведь политика, если использовать английские синонимы, это не только politics, но и policy, т. е. формирование стратегии развития общества, определение его направления. Соответственно, это сверхважная деятельность, и подход к политике как к благородному занятию представляется мне чрезвычайно важным и сегодня.

В своих трудах Александр Иванович опирался на теорию пентабазиса Ганзена, который включает в себя пространство, время, информацию, энергию и субстрат. Очень важно для нас сегодня учитывать ценностные аспекты, а именно то, что политик должен обладать самоконтролем, саморегуляцией, самоуправлением и самовоспитанием. То есть он должен руководствоваться ценностями, в том числе ценностью служения. Наша модель работы с образом политика опирается именно на эту философию.

За последние шесть лет команда «Минченко консалтинг», при большом вкладе наших коллег по профильному комитету по политическим технологиям Российской ассоциации по связям с общественностью, разработала модель формирования образа лидера. Эта модель опирается на методологические основы юнгианского психоанализа, теорию архетипов Джозефа Кэмпбелла, модель Кэрол Пирсон (которую мы достаточно

серьезно переработали), теорию акцентуации характера, глубже всего проработанную, наверное, в советской, а затем в российской школе практической психологии, а также на теорию актерского искусства, опирающуюся на вклад наших великих соотечественников Михаила Чехова и Павла Ершова.

Модель включает в себя несколько составляющих. Первая составляющая — тактико-технические характеристики: наш габитус, физиологические особенности, профессиональный и жизненный путь. Это то, что достаточно сложно изменить.

Вторая составляющая — психологический профиль.

Следующие элементы модели — социальные роли. Здесь мы выделяем функционал для элит и функционал для избирателя. При этом необходимо заметить, что функционал для элит очень важен. Мы неоднократно замечали, что политики не всегда понимают, что им необходимо пройти, в том числе, и через «элитное сито». Элитам нужно объяснять, что они получат от участия этого человека в политике, а не только то, что получат избиратели.

На тактико-технические характеристики, психологический профиль и функционал (как для элит, так и для избирателей) с учетом фактора теневого влияния накладывается архетипический образ.

Мы совместно с моим коллегой Львом Харламовым, практикующим актером и режиссером, проанализировали 1000 самых эффективных политиков за всю историю человечества. Анализ основывался, с одной стороны, на тех метафорах, которые они используют (здесь мы многое взяли из подходов активно работающего идеолога политической метафоры Джорджа Лакоффа). У Михаила Чехова мы взяли понятия «центра тела» и действенных глаголов, используемых политиками. В итоге у нас возникло 17 архетипических образов, от «ребенка» до «дурачащегося». Эта модель была отработана в ходе избирательных кампаний и текущего консультирования государственных деятелей в России и за ее пределами.

Мы убедились на своем опыте, что архетипические образы лежат глубже, чем национальная специфика или характер. Одни и те же архетипические образы являются эффективными и действенными для разных стран и представителей различных национальностей, разного менталитета. Это надъязыковая или предъязыковая форма быстрого и интуитивного восприятия.

Иногда политики говорят нам: «Ой, ну что ж я из себя буду что-то делать, зачем стараться? Я буду такой, как есть». Однако практика показывает, что неподготовленный спикер, выходя к избирателям, прак-

тически неизбежно попадает в архетипический образ «сироты». Просто потому, что это неестественная для него ситуация. В ситуации стресса человек сваливается в ступор (что еще хороший вариант) или, что хуже, впадает в агрессию, выходя таким образом в архетипический образ «бунтаря». Последний также далеко не всегда эффективен, особенно для представителя власти.

Когда политик заявляет о нежелании работать над собой, это на самом деле говорит о лености и неуважении к своим избирателям. Его работа — взаимодействовать с избирателями так, чтобы они его понимали, чтобы он был убедителен, чтобы они действительно могли отреагировать на его предложения.

В заключение хочу подчеркнуть, что наша с вами миссия — повышать уровень рефлексии происходящего, осмысленного реагирования не только у политиков, но и у населения.

Мы за последние 100 с небольшим лет стали участниками двух жестоких экспериментов над Россией — сначала большевистского, когда нам попытались навязать воззрения достаточно небольшой и невлиятельной за рубежом секты, затем — когда точно так же попытались внедрить самую людоедскую версию капитализма. Теперь нам предлагают какие-то гностические учения, причем делают это примерно те же самые люди.

Поэтому для нас крайне важна содержательная дискуссия, использующая терминологию, методы и объяснительные модели, разработанные в рамках политической психологии.

2. Незаслуженно забытые философы

М. М. Решетников

Уважаемые коллеги! Спасибо за это приглашение. Более четверти века меня и Александра Ивановича Юрьева связывали не только общие темы и проблемы, но и самые искренние дружеские отношения, которые и сейчас мы поддерживаем с Марией Александровной Коноваловой. Не могу не вспомнить, как Александр Иванович в свое время написал послесловие к моей книге «Психология реформ». Это был не просто дружеский отзыв, как обычно бывает между коллегами, а развернутый критический анализ книги. Я его недавно перечитывал и хотел бы сказать, что нам всем сейчас не хватает острого взгляда профессора Юрьева.

Теперь по теме моего краткого доклада. В советский период термин «волюнтаризм» приобрел некий негативный оттенок. О нем вспоминали как о некоем идеалистическом направлении в философии, приписывающем Божественной воле основную роль в развитии природы и общества. Это отношение во многом сохраняется и в настоящее время. Но, думаю, стоило бы вспомнить об этом направлении в философии и пересмотреть пренебрежительные оценки. Где положения теории волюнтаризма проявляются в первую очередь? Во властных структурах. А важнейшей фигурой власти, которая появляется в самом раннем детстве как прообраз всех последующих властных структур, является воспитатель детского сада, а также учитель в школе. Именно учителю принадлежит право судить, оценивать, характеризовать, поощрять, разрешать, не разрешать. Но даже не это самое главное — именно воспитатель и учитель формируют у детей представление о национальных традициях, национальных обычаях и национальных героях. При этом власть педагога всегда формально легитимна.

Именно на этом тезисе волюнтаризма была построена вся система воспитания и образования на Украине в постсоветский период. Детям внушили вполне определенные идеи ненависти к России и всем русскоговорящим, причем эти идеи внушались жестко, с отработанной до мелочей системой наказаний и поощрений. Сейчас этим детям уже по 30 и даже по 40 лет. Была воспитана и сформирована огромная армия людей, ненавидящих Россию. И эта ненависть не исчезнет в один день. И будет транслироваться следующим поколениям.

Важно отметить и другой ключевой фактор, касающийся уже нашей страны. Я много раз об этом уже говорил и писал: до тех пор, пока

не будет поднят на адекватную высоту социальный и материальный статус воспитателя детского сада, учителя, преподавателя вуза и сержанта в армии, до тех пор эти педагоги и воспитатели не смогут искренне воспитывать преданность своему Отечеству и патриотизм. И еще одно, то, чего нам особенно не хватает сейчас и о чем много раз говорил профессор Юрьев: у нас, к сожалению, нет образа будущего. А без понятного, принятого всем социумом и привлекательного образа будущего никакой стимуляции рождаемости произойти не может.

В свое время Уинстон Черчилль сказал, что школьные учителя обладают властью, о которой премьер-министры могут только мечтать. Это так и есть. Именно они формируют будущее поколение, именно они формируют мораль, нравственность, и, самое важное, они учат разделять всех людей на наших и ненаших, на своих и чужих. Свои — это те, кто разделяет наши идеи, наши принципы, наши традиции, наш язык, нашу историю, а чужие — которые этого не разделяют или не хотят разделять. И мы должны тоже об этом постоянно помнить. В волюнтаризме все это было возведено в ранг серьезнейшей науки. Я обращусь к первоисточнику и близко к тексту процитирую Артура Шопенгауэра: «Каждый априори считает себя совершенно свободным, даже в своих отдельных поступках, и думает, будто он в любой момент может избрать другой жизненный путь, т. е. сделаться другим. Но апостериори на опыте убеждается в своем изумлении, что он не свободен, а подчинен необходимости, что, несмотря на все свои решения и размышления, он не может ничего изменить в своей деятельности. И от начала до конца жизни должен играть один и тот же, им самим не одобряемый характер, играть до конца однажды принятую на себя роль». Но эта роль не является врожденной способностью. Она формируется в раннем детстве и в юности.

Теперь обращусь к Ницше. Он развивает идеи Шопенгауэра и приходит к выводу, что мировая воля является в своей сущности волей к власти, а не просто стремлением быть. Я думаю, что ни у кого не вызывает сомнения, что самым крупным волюнтаристом современного мира является нынешний президент Соединенных Штатов. Его деятельность и переменчивость мнений и оценок — это волюнтаризм в чистом виде, не учитывающий ни современную геополитическую обстановку, ни национальные интересы и особенности стран и народов.

Нужно подчеркнуть, что в Соединенных Штатах зло и ложь насаждаются с раннего детства, при этом под видом доброты и заботы. Например, детям на уроках истории рассказывается, что именно армия США

является самой мощной, что именно США победили фашизм в 1945 г. Погибло 35 млн китайцев, 27 млн россиян. В немецкой армии потери составили 7 млн. Оказывается, этих 7 млн фашистов (с минимальными потерями — 400 тыс. солдат США) победили американцы, которые высадились на европейскую территорию только в самом конце войны. Вот какие бравые солдаты — американцы, говорят детям. И дети верят в это.

Еще один пример насаждения зла под видом доброты. Детям внушают, что их мнение заслуживает всяческого уважения, и они сами могут определять свой пол, т. е. решать, кем они хотят быть — мальчиком или девочкой, или быть и не мальчиком, и не девочкой, а выбрать еще какой-то особенный гендер. В основе такого воспитания, опять же, лежит волюнтаризм. Так же как и пропаганда враждебного образа России.

Ненависть к России существовала в западном мире на протяжении всех последних столетий. Главным застрельщиком в этом вопросе всегда была Великобритания, начиная со времени появления нашего государства. С тех пор ничего не изменилось. Россию и россиян изображают и согласованно подают во всех западных СМИ как мировое зло, которое нужно уничтожить. Но в основе этого лежат вполне объективные факторы. Европа погибает. Я не знаю, осознает ли она это реально или идет к гибели подсознательно, но конец Европы вполне предсказуем. В XX в. она утратила ресурсы колоний, а своих ресурсов у нее нет. Ни нефти, ни газа, ни металлов, ни продовольствия. Но это еще не самое страшное. Без нефти и газа прожить можно, пусть и с дровами в землянках — земля согреет. Но нельзя прожить без пресной воды. А ее запасы в Европе на 600 млн населения в пять раз меньше, чем в России (на 140 млн). И эти запасы убывают, а это — голод. Вначале потому, что не будет воды для полива сельхозугодий. Второй фактор — глобальное потепление, таяние ледников, подъем уровня Мирового океана и засоление устьев рек. И еще меньше пресной воды. Без еды можно прожить месяц, без воды — не более недели. Думаю, что все уже видели эти призывы к населению Германии — нет необходимости мыться под душем каждый день, достаточно протираться влажной губкой. Не обязательно смывать унитаз после каждого посещения туалета... Это заблаговременная пропаганда нового образа жизни загнивающей Европы.

Европа погибает. И она не отступится никогда. Война, простите за такой прогноз, — неизбежна. Им некуда отступать. Другой выход есть — признать, что они согласны уйти с исторической арены, и примириться с новыми лидерами современного мира, и договариваться о дружбе и сотрудничестве. Но это вряд ли реально. Западный истеблишмент

охвачен высокомерным нарциссизмом и тотальной паранойей. В чем суть параноидального сценария: параноик с бредоподобной убежденностью считает и доказывает самому себе и всем окружающим: «Это не я ненавижу некоего Х, это он ненавидит и преследует меня, поэтому его нужно уничтожить». А ненависть отнимает разум. Именно такая потеря разума особенно ярко проявляется в прибалтийских странах, микрогосударствах, которые имеют армии в несколько батальонов и угрожают уничтожением ядерному государству.

В информационную эпоху огромная роль принадлежит СМИ. Люди привыкли слушать, смотреть, обсуждать — верно или ошибочно анализировать, и испытывают огромный дискомфорт, когда не получают свежую информацию. Нередко даже неважно какую, но свежую. А информация не только дозируется, но и создается под определенный политический заказ. С помощью современных информационных технологий у людей можно сформировать любое мировоззрение. Зигмунд Фрейд в свое время обосновал, что при ближайшем рассмотрении разница между индивидуальной психологией и социальной психологией становится ускользающей. То есть то, что мы наблюдаем у отдельных людей, может проявляться и в больших группах. Например, наша Октябрьская революция — это крупнейший социальный невроз в истории нашего дорогого Отечества, когда богобоязненный и почитающий государя народ, а точнее, широкие необразованные массы пошли громить церкви, поддавшись ложной идее, что именно они, эти массы, являются прогрессивной частью общества. Примерно то же самое происходило в Германии, но уже в форме общенационального психоза населения, поверившего в свою исключительность.

И последнее. Не совсем по теме моего краткого выступления, но не могу не сказать об этом. В последние месяцы меня неоднократно спрашивали журналисты: что у нас будет с ПТСР (посттравматическим стрессовым расстройством)? Каждый раз отвечаю: это раздутая и вымышленная проблема. Не будет у нас никакого массового ПТСР. У нас принципиально другая психологическая ситуация. Напомню, что когда английский экспедиционный корпус высадился на территории Европы в Первую мировую войну, через месяц 20% корпуса убыло на родину с невротическими реакциями. Почему? Никто на их дома не нападал, их матерям, детям, женам ничего не угрожало. За что воевать и погибать? То же самое было с американцами в процессе и после Вьетнамской войны. У нас этого не будет. Мы защищаем свои дома, своих детей, своих родных, свой Русский мир. Максимум, если будет, — 4%, в основном у тех, кто имел определенные особенности психики и до войны.

Мне довелось побывать на Афганской войне, и могу ответственно сказать: люди с войны возвращаются качественно иными, прежде всего более сильными и бесстрашными, понимающими, что теперь им нужно жить и за себя, и за того парня, который не вернулся. А самое главное, они возвращаются с уверенностью, что теперь в этой жизни все должно быть честнее, благороднее, справедливее, лучше, и они готовы за это постоять. Поэтому их включение в состав президентского резерва можно только приветствовать.

3. Когнитивная безопасность — «наш ответ Чемберлену»

И. Ф. Кефели

Добрый день, уважаемые коллеги, товарищи, друзья! Я сознательно придумал такое убойное название своему выступлению, потому что Михаил Михайлович на такой мажорной ноте завершил свое прекрасное выступление, а я буду, в какой-то степени в продолжение того, что он сказал, вести речь о том, что, во-первых, нам необходимо готовить кадры и психологов, и филологов, и культурологов, и социологов как раз для того, чтобы они могли заниматься вопросами противодействия именно когнитивным войнам, о которых идет речь сегодня за круглым столом.

Во-вторых, нужна учебная литература, в первую очередь именно вот такого кумулятивного порядка. Не отдельно по политической психологии, не отдельно по лингвистике, не отдельно по собственно ИТ-технологиям, а найти что-то общее. И предпосылка для этого есть. Во-первых, это решение Министерства образования о введении в номенклатуру специальностей нового направления «Когнитивные науки». Это когнитивные науки, все уже знают об этом. Есть, кстати, паспорта специальности для такой подготовки. Все пять проектов паспортов есть по крайней мере, давайте как можно быстрее будем готовить их. Как раз именно по когнитивным наукам. По перечню специальностей это философские, психологические, медицинские, филологические, физико-математические, медицинские и технические науки. То есть, по сути, вот такого рода специалисты — это специалисты будущего нашего ближайшего. И в связи с этим надо еще сказать, что мы у нас в Северо-Западном институте управления еще в 2022 г. организовали такой круглый стол по проблемам когнитивной безопасности. Это здание еще тогда в лесах находилось, мы проводили заседание на Среднем проспекте в главном тогда корпусе. И по ходу обсуждения вопросов (причем были приглашены многие коллеги, такой нормативный состав специалистов) приняли решение, что пора уже браться за дело. Спустя год мы издали коллективную монографию «Пролегомены когнитивной безопасности». Часть авторов этой коллективной монографии находятся здесь, за нашим круглым столом, — и Галина Сергеевна Мельник, и Ольга Сергеевна Дейнека, и Алексей Владимирович Забарин, по крайней мере те, кого

я здесь вижу. И совершенно, так сказать, органично эта тема у нас вылилась как раз вот в такой коллективный труд, который был, кстати говоря, презентован в качестве учебного пособия и для психологов, мы так вот широко смотрели.

Главная задача была — собрать авторский коллектив. Не просто кто-то один взял и все написал про когнитивную безопасность, начитавшись популярных книжек, политических документов и другого материала. А именно чтобы каждый внес свое. Но на этом мы остановились.

В этом году мы издали учебник «Когнитивная безопасность человека в медиапространстве», получили гриф ФУМО 42.00.00 «Средства массовой коммуникации и информационно-библиотечное дело» по классическому университетскому образованию в качестве учебника для студентов высших учебных заведений. Я как раз могу продемонстрировать его. Вот такой кирпичик у нас вышел совместно с Институтом «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» Санкт-Петербургского государственного университета. И здесь уже более обстоятельно, ориентируясь на педагогический опыт всех авторов данного учебника, мы попытались сделать учебник на будущее. Конечно, в нем нет полного совершенства, может быть есть какие-то нестыковки, но по крайней мере это нужно.

Я вам скажу такую вещь. В 2024 г. я обнаружил на сайте издательства Springer изданный учебник «Введение в цифровой гуманизм» (Introduction to Digital Humanism. A Textbook). В учебнике можно найти разделы об истории эпох гуманизма и Просвещения, о философских основах цифрового гуманизма, эволюции вычислительной техники, цифровой революции в исторической перспективе, социальной ответственности ученых и технологов в цифровую эпоху, о «зачарованной вселенной искусственного интеллекта» и суверенитете в цифровую эпоху.

То есть вот такого рода учебники формируют определенный тренд. Именно в данном случае надо решить этот вопрос обеспечения когнитивной безопасности. Потому что — ведь почему я вспомнил «наш ответ Чемберлену» 1927 г.? Дело в том, что начиная с 2020 г. (отчасти и раньше) научная когорта специалистов НАТО стала активно публиковать отчеты и военные наставления, проводить научные конференции, исключительно посвященные одной теме — «когнитивная война». До этого, еще в 2007 г., была опубликована магистерская диссертация одного американского офицера из училища разведки под названием «Когнитивная война». Весь материал арабо-израильского конфликта он использовал как раз для объяснения, каким образом религиозные аспекты противостояния оформляются в инструмент ведения войны.

С той поры стала появляться серия такой литературы, причем в открытом доступе. Это инструкции для военных, это инструкция для командиров НАТО, как вести именно когнитивную войну, где центром, целью когнитивных операций является манипуляция деятельностью мозга человека и его подсознанием. Но уже в 2023 г. идеологическая установка НАТО изменилась: каким образом смягчить когнитивную войну, которую ведут Россия, Китай, Иран против нас, против Запада, западных государств, против Америки и т. д.? Поэтому такая смена курса, обозначение добра злом и наоборот, это уже, так сказать, то, что в неолиберальной идеологии достаточно четко прослеживается.

Завершая свое выступление (я укладываюсь во временной интервал), я хотел бы сказать, что наша работа будет продолжаться, и у нас уже на очереди новый вариант учебника, ориентированного на анализ проблем обеспечения когнитивной безопасности в государственно-муниципальном управлении и в системе международных отношений (в том числе в контексте внутренней и внешней политики Российской Федерации), который мы готовим сейчас уже совместно с Санкт-Петербургским политехническим университетом Петра Великого. Спасибо!

М. М. Решетников: Один вопрос можно? Во-первых, поздравляю вас с юбилеем, 80-летием. Вы нам всем подаете пример. Я не смог найти адекватный перевод слова «асфатроника». Объясните.

И. Ф. Кефели: Вообще-то слово ἀσφάλεια в переводе с греческого на русский означает твердость, крепость, прочность; в переносном смысле — уверенность, убедительность, непоколебимость, незыблемость, достоверность; или безопасность. Тогда получается, что асфатроника — это наука о глобальной безопасности, основанная на использовании информационно-коммуникационных технологий.

4. Сепаратистский дискурс и когнитивные инструменты воздействия на сетевую аудиторию

Г. С. Мельник

Спасибо за возможность выступить. Я очень рада, что идеи, которыми щедро делился с нами Александр Иванович Юрьев, живы. Это идеи об очищении информационного пространства от вредоносной информации и идеи о том, что необходимо бороться с социальными эпидемиями.

Я знаю, что Александр Лазаревич Катков тоже активно продвигал эти идеи, и они были очень популярны у студенчества у нас на факультете журналистики Санкт-Петербургского государственного университета, а теперь в Институте «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций». Мы готовим специалистов в области рекламы, связей с общественностью и массовых коммуникаций, у нас много курсов, связанных с политической психологией и политическими технологиями воздействия на массовую аудиторию, поэтому на занятиях изучаем книги политических психологов, в том числе мэтров, присутствующих на нашем круглом столе. Эти книги для нас — большой кладезь знаний, и я благодарю авторов за возможность ими пользоваться.

Сегодня хочу обратить внимание, уважаемые друзья, на информационные материалы, размещенные на сетевых ресурсах, пропагандирующих распад Российской Федерации.

Сепаратизм в российском медиапространстве — это фактор гибридных войн, разворачиваемых на разных информационных площадках. Целые пропагандистские фабрики разрабатывают алгоритмы разрушения российской государственности, целенаправленно работая с разными целевыми аудиториями. Возрастает когнитивная опасность агрессивного и деструктивного медийного вторжения в сферу рационального сознания и эмоционального состояния аудитории, которая вовлекается в обсуждение проблемы территориальной целостности России.

Дело в том, что мы много знаем о внешних врагах, осуществляющих антироссийскую политику, но мало знаем, что у нас творится в андеграунде и как используются сетевые медиа, разрушающие основы российской государственности. Студенты, изучающие эти материалы, уже знают, что скоро придут к нам с паспортами Ингерманландии, и мы с вами окажемся не в Санкт-Петербурге, а именно в этой стране, которая называется Ингрия. Упорно продвигают сепаратистские идеи

такие организации, как «Вольный Выборг» (здесь и далее: организация признана террористической и включена в перечень Росфинмониторинга в феврале 2025 г.) и «Народный совет Выборга» (далее — Совет).

Указанная организация публикует «Манифест» с комментариями участников группы и демонстрирует карты «Территориальные претензии будущей Выборгской Республики». Цель публикаций эксплицитна (открыто выражена) и сводится к идее независимости Выборгского и Приозерского районов Ленинградской области от «власти Москвы» и создания независимой Выборгской Республики. Желанная цель — *«крах МОР (московского оккупационного режима)»*. Вся система доводов, изложенных в «Манифесте» и постах, сводится к идее завершения эпохи *«арестов и репрессий, подавления свободы слова и свободы мысли»*. Авторы подводят читателя к выводу о необходимости смены *«режима Москвы»*. Создатели «Манифеста» отстраиваются от всего российского, в текстах — явная приверженность всему карельскому, шведскому и финскому.

«Манифест» объективно может сформировать и закрепить в читательском сознании отрицательный стереотип в отношении России, послужить основой для ультрарадикальных устремлений, поскольку открыто оправдывает правомерность применения насилия в отношении «власти Москвы». Одним из первых предлагается тезис — открытое публичное заявление о поддержке Украины в ее противостоянии с Россией. Эта позиция далее неоднократно подтверждается в сообщениях, размещенных в мессенджере «Телеграм», и заключается в одобрении деятельности РДК (Русский добровольческий корпус; здесь и далее: организация признана террористической в ноябре 2023 г.) и ЛСР (Легион «Свобода России»; здесь и далее: организация признана террористической в РФ).

В документе всесторонне обосновывается необходимость изменить политический строй, переписать Конституцию. Авторы «Манифеста» заявляют, что границы Выборгского и Курортного районов надо рассматривать как спорные территории. Акцентируя внимание на том, что *«эта земля была частью Суоми. Нас объединяют глубочайшие исторические и культурные, экономические связи»*, напоминают, что поддержка движения — *«священный долг финского народа и правительства»*. В постах под рубрикой «Вольный Выборг» обращается внимание на появление карты будущих построссийских государств, где Карельский перешеек приписан то к Ингрии, то к Карелии, лучшей из которых признается карта Выборгского района 1923 г. Людей убеждают в том, что какая разница, если вы стремитесь к светлому будущему, как будет называться то место, в котором вы живете.

Создатели «Манифеста» подтверждают, что рассматривают обозначенную территорию как неотъемлемую и на данный момент *«оккупированную часть финно-угорского пространства»* и более того, часть пространства, *«принадлежащего европейской цивилизации»*.

Посты в мессенджере «Телеграм» в поддержку «Вольного Выборга» содержат творческую часть — преимущественно «патриотические» стихи, использующие эмоциональный капитал для воздействия на сторонников движения.

В «Манифесте» выражено желание вернуть все наименования (названия) географических мест, имеющие финно-угорскую этимологию, и конституционно утвердить карельский и финский языки как государственные наряду с русским, вернуть историческую память.

Это никакая не ностальгия и никакие не архетипы, которые зовут нас к замечательным газированным автоматам, или к пионерским организациям, или еще к чему-то, а именно к тому, что сегодня и сейчас мы должны заняться разрушением России. Каким же образом? Вначале открываются краеведческие музеи, все переименовывается — возможно, это замечательно, может быть, в этом ничего плохого нет, историю все должны знать, но при этом начинают использовать в качестве символов сомнительных исторических персонажей и даже героизировать их. *«Сегодня соратники посетили финское кладбище, где лежат герои Зимней войны. А также начали акцию „Возвращение памяти“, цель которой — напомнить об истории и корнях нашей земли»*. В одном из постов рекомендуется чествовать Карла Густава Эмиля Маннергейма: *«Сегодня исполняется 156 лет со дня рождения человека, войска которого доблестно сражались за свободу нашей земли от советских оккупантов»*.

В задачи членов движения входит проведение агитационной работы. *«Листовки, стикеры, QR-коды, граффити — годятся любые средства и способы»*. Содержится намек на *«иные действия и методы, которые мы сочтем приемлемыми и необходимыми»*.

В тексте постов много побуждающих словесных конструкций, которые могут расцениваться как инструкция к действию. *«Продумайте маршруты вашего движения, используя спутниковые карты; проведите разведку местности; учтите вероятность наличия камер наружного наблюдения: выберите наиболее благоприятное для акции время, придумайте легенду на случай непредвиденных обстоятельств»*. Оправдываются партизанские действия. Объекты партизанских действий четко обозначены: *«Мы считаем легитимными для партизанской борьбы: сооружения, имущество и автопарк районных, поселковых и иных администраций, здания, сооружения, имущество и*

автопарк отделений силовых структур: полиции, МВД, ФСБ и т. д.». Подчеркивается добровольность участия в акциях, причем неоплачиваемых.

«Манифест» побуждает адресата учитывать в своем повседневном поведении эти идеалы *«процветания, свободы, присоединения к европейской цивилизации»*.

В совокупности вербальный и невербальный компоненты информационных материалов свидетельствуют о намерениях участников добиться отделения ряда территорий от России. Контекст позволяет сделать вывод: конституционный строй России определяется в исследуемом тексте как объект агрессии и вражды.

Члены комьюнити «Вольный Выборг» поддерживают и развивают связи с подобными организациями в других городах России (Тольятти, Волгоград, города Ленинградской и Московской областей), распространяющими идеи возврата к СССР, мотивируя россиян на получение в будущем бесплатных льгот (на жилье, лечение, обучение), что способствует привлечению в организацию новых членов.

Видеосюжеты вызывают аллюзии (аналогию) с запрещенной организацией «Граждане СССР» (здесь и далее: организация признана экстремистской в июне 2022 г.), поскольку продвигают идеи возврата россиян к жизни по законам и правилам СССР (не существующего ныне государства), а руководители Совета отрицают легитимность российской армии, МВД, администраций, муниципалитетов, не признают паспорта РФ, отрицают вообще наличие граждан РФ, поскольку жители якобы не проходили процедуру гражданства.

К сожалению, вопросы о закрытии этих экстремистских ресурсов решаются только в судебном порядке. При этом не всегда судебные запреты бывают эффективными. Например, сепаратистские идеи движения «Союз Славянских Сил Руси» (сокращенно «СССР»), признанного экстремистским в 2019 г., и идеи запрещенной в 2022 г. организации «Граждане СССР» не исчезли. Эти идеи легли в основу других организаций с очень схожими названиями: «Союз Советских Светлых Родов», «Держава Союз Советских Светлых Родов», «Совет Советских Светлых Родов», «Совет Союза Советских Светлых Родов», «Верховный Совет Союза Советских Светлых Родов», «Верховный Совет Воинов Державы Союза Советских Светлых Родов», «Сверхдержава Союз Советских Светлых Родов», «Верховный Совет Воинов Сверхдержава Союза Советских Светлых Родов», «ВСВ держава СССР» и др.

Уважаемый эксперт назвал в личной беседе эти идеи дурацкими, но эти дурацкие идеи почему-то овладевают частью населения России,

и не только молодежью. Большой контингент вовлечен в этот процесс, сейчас называют цифру 200 тыс. тех, кто является сторонниками движения «Назад в СССР».

На слайде (рис. 1) мы видим еще одну показательную картинку, на которой присутствуют представители «Объединенного Королевства Белых Роз», «Академии Материнства», которая позиционирует себя как правозащитник всех граждан и как справедливый клан в управлении России. «Королевство» называет себя «единственным законным правопреемником Российской империи и Союза Советских Социалистических Республик (СССР) со всеми правами и обязанностями» и заявляет о присоединении к Королевству Белых Роз территорий, принадлежавших Российской Советской Федеративной Социалистической Республике (РСФСР), а также объявляет наше государство «народной монархией».

Рис. 1

Организация также выпускает манифест, который содержит не просто стратегии обвинения российских властей или пропаганду действий руководства, но и суждения и негативные оценки людей, занимающих решающие позиции в политике России, тем самым формируя образ врага. Используются в их отношении слова с яркой энергетикой и метафоры: «нажива», «извращения», «грабежи», «чиновничий бандитизм»,

«преступная шайка» и т. д. И это не просто какие-то личные оскорбления и ярлыки, которые навешиваются на всех, кто сегодня руководит нашим государством. За всем этим стоит системная работа, и если мы посмотрим на эти манифесты и все, что делается руководителями этих самых движений, то увидим общий алгоритм действий. Все скроено по одному лекалу. Был «Большой Урал», который уже «отделялся» от СССР и России, присоединил к себе ни много ни мало шесть районов на территории Казахстана. В Санкт-Петербурге проходили акции сепаратистов «Прощай, немытая Россия» и «Покажем им Сибирь».

В работе с аудиторией сепаратисты используют все те же приемы: предсказания о будущем регионе, катастрофизация, обесценивание позитивного, когнитивные фильтры, сверхобобщение, персонализация и т. д. В этих материалах предрекается: Россия войдет в учебники истории как страна, *«тупо разворованная собственным руководством»*. Отвергается государственный статус Российской Федерации, и само государство представляется как колониальная корпорация. При этом информационные ресурсы сепаратистов полны бесконечных цифр и ссылок на какие-то зарубежные юридические документы и их номера, даты, свидетельствующие о том, что Правительство Российской Федерации якобы зарегистрировано в Соединенных Штатах или Канаде. В текстах содержатся угрозы тем, кто соблюдает законы РФ. Ссылаясь на якобы не подписанный закон Российской Федерации «О частичной мобилизации», в постах неоднократно заявляется: *«Все военкоматы ликвидированы в 2010 г. Подписав контракт, вы попадаете под уголовные статьи: 359 УК РФ — наемничество; 77 УК РФ — бандитизм»*. Подобные заявления способны деморализовать не только военнослужащих, но и других граждан РФ.

Сознательно, системно и планомерно дискредитируется деятельность ведущих государственных органов (Росгвардия, армия, МВД, МЧС, прокуратура, следственные органы, администрации всех уровней), оскорбляются граждане РФ. На всех указанных ресурсах подвергается сомнению вообще легитимность армии (Вооруженных сил Российской Федерации) и Министерства внутренних дел.

Коммуникативным намерением авторов постов является доведение до граждан идеи нелегитимности перечисленных органов и игнорирования законов РФ. В ряде постов обнаруживаются признаки воспрепятствования властям, в них пошагово излагается инструкция саботирования правил регистрации документов, оплаты ЖКХ, выдачи паспортов РФ, регистрации имущества. На этом основании людям предлагают просто

отказываться от российских паспортов, зачеркивать красным крестиком свои подписи в них. Работает целая система юристов, которые помогают не платить налоги, не платить страховки. При этом люди берут кредиты, их не возвращают, не платят за коммунальные услуги.

Еще один пример, формирующий сепаратистский дискурс. На видеохостинге YouTube воспроизводится совокупность сюжетов, которые можно рассматривать как комплексное, целостное, композиционно единое развернутое высказывание о смене власти в г. Выборге Ленинградской области. Видеоканал создан для пропаганды идей и деятельности некой организации «Народный совет Выборга». Доминантным лицом во всех сюжетах является некий персонаж под ником Борисов, который позиционирует себя как Председатель Народного совета Выборгского района Ленинградской области. Все его высказывания носят характер отрицания существования Российской Федерации, легитимности ее органов: *«Никто из нас не проходил процедуру гражданства в РФ... ее проходили несколько лиц, Жерар Депардье и еще несколько лиц»*. Отрицается законность получения паспортов граждан РФ: *«...получили фейковые, липовые паспорта. И российские паспорта не являются паспортом. Но это условно, поскольку они получили гражданство не от граждан РФ»*. Российский паспорт он называет *«бланк строгой отчетности (по сути дубликат советского паспорта)»*.

Так же как и на других ресурсах, здесь утверждается: *«Все коренные граждане, их дети и внуки находятся в юрисдикции и правовом поле СССР»*, *«У РФ нет ни одного квадратного сантиметра собственной территории»*. Далее заявляется, что РФ и ее структуры (полиция, суды, налоговые службы) оказывают нам услуги. *«Мы попросим у них отчет, конечно, о расходовании наших средств, потому что средства именно наши, это народные деньги, и потихонечку „начнем управлять местными органами самостоятельно“»*.

Созданный 3 ноября 2020 г. (по свидетельству организаторов) *«Народный совет Выборгского района Ленинградской области в составе РСФСР, СССР является местным органом власти. Мы действуем в соответствии с законами и всей правовой базой РСФСР, СССР. Приглашаем к нам всех совершеннолетних дееспособных граждан РСФСР, СССР, проживающих на территории Выборгского района Ленинградской области»*. Вместе с тем на территории Выборга и Ленинградской области действуют муниципалитеты, органы местного самоуправления, в которых главами работают избранные жителями люди. Иными словами, сторонники СССР создают параллельную структуру, раздают выборжцам бесплатно участки земли под застройку.

В совокупности видеосюжетов сепаратистских сайтов (Тольятти, Якутск, Волгоград, города Ленинградской и Московской областей) заложен разрушительный потенциал для существования действующего государства. Ключевые идеи: *«Советский Союз никогда не распадался, поэтому действующая сегодня в России власть должна быть признана нелегитимной; в 1991 г. произошел „рейдерский захват“ власти, а действующее руководство РФ и государств, образовавшихся на месте бывших союзных республик, являются „организованными преступными сообществами“, с которыми необходимо бороться, дабы восстановить все структуры и органы СССР»*. Российская Федерация представлена как иностранное (коммерческое) государство, законам которого граждане СССР или те, кто считается ими, не должны подчиняться.

Идеология, в основе которой лежит полное отрицание Российской Федерации, размывает основы государственности, наносит вред информационной безопасности страны, а также психологически оказывает негативное влияние на общественное сознание граждан РФ, сводит на нет значение для них понятий «родина», «патриотизм», «национальные ценности», «гордость за страну». Принижение значимости гражданина РФ, убеждение его в недееспособности, в положении раба, не имеющего прав в стране проживания, способно его деморализовать.

Противодействием целенаправленной пропаганде сепаратизма могут стать только разработка и апробация психосоциальных технологий и медийной стратегии информационно-пропагандистской политики России, направленных на обеспечение национальной безопасности в информационном поле, постоянное выявление социально-психологических факторов и условий, определяющих эффективность реализации данных стратегий и технологий в обстановке гибридной войны, создание точных маркеров, выявляющих экстремистские материалы, и гигиена информационного пространства России.

Таким образом, политическим психологам необходимо сегодня думать о подходах, позволяющих обеспечить информационную безопасность личности и общества, работать в тандеме с вузами, готовящими специалистов в области массовых коммуникаций. И поэтому, изучая с нашими студентами конфликтогенные тексты, мы выбираем несколько подходов.

К освоению предлагается учебный материал, изучаемый с разных сторон:

• *лингвистический подход* предполагает когниции рассматривать как процесс и результат познания через систему текстопостроения. В этом

случае медиатекст анализируется как когнитивный (ментальный) инструмент влияния на аудиторию;

• *когнитивно-дискурсивный подход* к изучению массовой коммуникации опирается на понятие «когнитивно-дискурсивная практика», под которой понимается «преобразовательная деятельность людей»;

• *психологический подход* означает изучение когнитивных медиатехнологий манипуляции сознанием, понимание самых распространенных когнитивных искажений, природы систематических ошибок, в том числе ошибок селективного восприятия медиатекстов, а также других эффектов воздействия СМИ на аудиторию;

• наконец, *онтологические исследования* психологов и концепции расширенного познания позволят описать множество эффектов и феноменов ошибочного восприятия и обработки информации.

Большое спасибо Центру экспертиз СПбГУ, который дает возможность работать с материалами МВД, таможенников, прокуратуры, ФСБ и т. д. К сожалению, такие организации не справляются с валом практических вопросов, которые необходимо решать уже сегодня, а ведь наше будущее, как говорил Александр Иванович Юрьев, определяется именно сегодняшним днем.

Мне кажется, что мы должны быть более активными и работать в наступательном режиме, а не латать дыры и не ставить просто диагнозы, что все плохо, всех предали и делать нечего, как только разводить руками. Еще раз большое спасибо за то, что позволяете использовать ваши труды на наших информационных площадках.

5. О значении политической психологии в современных условиях гибридных войн

А. А. Рябоконь

Уважаемые участники круглого стола, я рад вас всех поприветствовать от лица Законодательного Собрания Санкт-Петербурга. Большое спасибо Инге Сергеевне, что продолжает такую добрую традицию. Это второй круглый стол; я уверен, будут и последующие. Андрей Драгомирович, спасибо вам, что вы уделяете большое внимание и предоставляете площадку. Я думаю, что, может быть, в следующем году (я уже предлагал ранее) круглый стол вы проведете ближе к Законодательному Собранию, непосредственно на площадке Законодательного Собрания Санкт-Петербурга — добро пожаловать!

Тема когнитивных войн очень актуальна, буквально несколько моментов скажу. Например, кибермошенничество — мы уже тут проиграли эту войну суммой от граждан около 300 млрд руб. Воруются средства у населения — пенсионеров, других групп граждан. Значительная часть средств уходит за рубеж, к нашим врагам. И эту когнитивную войну мы проигрываем. Делаются определенные действия, но, очевидно, их недостаточно или они малоэффективны. Другое — это когнитивная война в отношении наших граждан — несовершеннолетних, представителей молодежи. Сейчас большое количество террористических актов происходит у нас на территории России. Как раз вот эта когнитивная война, методы психологического воздействия влияют на наше подрастающее поколение. Буквально задерживается большое количество людей 16, 18, 20 лет, которые совершают теракты и получают большие сроки лишения свободы, на 20 лет и больше. Тут тоже есть моменты, которые требуют повышения эффективности. Следующее перспективное направление для обсуждения — возможно, в следующих докладах этому будет уделено внимание — искусственный интеллект. Где искусственный интеллект, а где когнитивная война: человек действует по принципу минимизации каких-то своих усилий, использует при принятии каких-то управленческих решений искусственный интеллект, и под видом этого может быть допущено большое количество управленческих ошибок. И опасность полного внедрения искусственного интеллекта в нашу жизнь — о ней тоже нужно помнить и обращать на это внимание.

Спасибо! Еще раз рад всех приветствовать! Всем удачного круглого стола!

6. Четыре уровня интеллектуальной экспансии и проблема их кадрового обеспечения

М. А. Коновалова

Согласно одной из гипотез ленинградской — санкт-петербургской школы политической психологии, создателем и научным руководителем которой был доктор психологических наук, профессор Александр Иванович Юрьев, политика — это профессиональная трудовая деятельность, предметом которой является состояние народа — психологическое, экономическое, социальное, демографическое и др.

Связь политических решений и состояний населения можно пояснить, ссылаясь на известные шкалы трехмерной теории эмоций В. Вундта. Согласно этой теории, существует трехмерное пространство психического состояния (по современной терминологии) с осями удовольствие — неудовольствие, возбуждение — успокоение, напряжение — разрешение. Значения переживаний по этим трем осям дают точку психического состояния, определяющего политическое поведение человека и общества в результате действий политиков.

Потребительная стоимость продукта, создаваемого политикой, легко обнаруживается в непосредственно осязаемой вещественной и телесной форме. Например, в развитии или разорении территорий, технологическом лидерстве или отставании, в готовности населения создавать семьи и рожать детей. Я хочу привести исторический пример такого удачного политического проекта эпохи СССР в области молодежной политики. Если вы помните, строительные отряды были таким политическим проектом, который опирался как на интересы государства, так и на интересы молодежи. Получалась реально осязаемая, экономическими способами подсчитываемая потребительная стоимость. Это наше недавнее прошлое. Сейчас пытаются возобновить стройотряды, но в условиях изменившегося экономического строя это сложнее и не имеет такого эффекта.

Средствами труда в политике являются различные варианты воздействия на общество и государство. К средствам труда в политике относятся интеллектуальная экспансия, правовое регулирование, экономическое принуждение, физическое насилие. Политика выбирает между ними и их сочетаниями. Поскольку сегодня мы говорим о когнитивной войне, мы направляем свое внимание на интеллектуальную экспансию.

Политическая деятельность — это информационная борьба за сознание общества, которая проходит в форме интеллектуальной экспансии различных идей. На каждом новом этапе исторического развития человечества обнаруживаются новые непонятные, пугающие вещи: искусственный интеллект, экологические проблемы, демографический кризис, дегуманизация экономики и политики и т. д. Если политика не дает внятных ответов на тревожащие людей вопросы, возникают сначала негативные психологические явления в форме дезориентации и деморализации, а вслед за этим — социальные, экономические и политические кризисы. В таких обстоятельствах люди становятся восприимчивы к любым идеям, помогающим им вернуть хоть какие-то ориентиры в мире наступившего хаоса, хоть какую-то опору под ногами.

Сейчас мои уважаемые коллеги в своих выступлениях говорили о дурацких идеях, которые захватывают людей достаточно широко. Это вполне объяснимо; как говорится, свято место пусто не бывает. Если общество, государство не могут предоставить им какое-то объяснение происходящего, то они будут искать его сами. И что они найдут — это один Бог знает. Идеи захватывают сознание людей, как психологическое оружие, абсолютно защищенное от любого холодного и огнестрельного оружия любой мощности. Как говорил А. И. Юрьев, информацию нельзя сжечь, подобно рукописи, и убить, как людей. Ей можно только противопоставить другую информацию и начать встречную интеллектуальную экспансию, имея шансов выиграть не больше, чем на войне, и эта борьба всегда достаточно острая.

Теперь об уровнях интеллектуальной экспансии.

Стержнем интеллектуальной экспансии является самый сложный и эффективный психический процесс — *мышление*. Наиболее устойчивые, несгибаемые политические деятели отличались исключительно развитым мышлением. В основе первого уровня интеллектуальной экспансии лежит широкий спектр философских, культурологических, исторических, социологических и других исследований.

В качестве иллюстрации я приведу два трагических инцидента: убийство Дарьи Дугиной и убийство Чарли Кирка. Дело в том, что способность на уровне мышления производить эту самую интеллектуальную экспансию настолько важна, имеет настолько большое значение, что невозможно переоценить, насколько это дорого обходится. Стоимость такого политического труда — это буквально риск для жизни. То есть

политические оппоненты стремятся устранить таких людей физически, настолько они для оппонентов опасны.

Я задаюсь вопросом: чем мы обладаем сейчас? Что мы можем предложить молодежи? Ведь, повторюсь, в основе первого уровня интеллектуальной экспансии лежит широкий спектр философских, культурологических, исторических, социологических и других исследований. По идее, нам бы нужно иметь некий золотой стандарт, русскую библиотеку. Это база интеллектуальной экспансии. Если помните, в советское время мы, будучи студентами непрофильных философских факультетов, изучали определенный стандартный перечень работ классиков марксизма-ленинизма, из истории КПСС и т. д. Мы постоянно их конспектировали, обсуждали на семинарах. Сегодня круг обязательно изучаемых работ может быть более разнообразным и интересным, но он должен быть. И должны быть подготовленные преподавательские кадры, умеющие правильно раскрывать смысл этих работ.

Интеллектуальная экспансия осуществляется не только посредством процессов мышления, так как это весьма трудоемкая процедура, а иногда и невозможная. Она предполагает весьма высокий образовательный уровень субъектов, осуществляющих экспансию, и объектов, подвергающихся экспансии. Поэтому на следующем уровне подключаются *волевые процессы, представляющие собой единство мотивов и действий*. В качестве инструмента здесь выступают агитационные материалы, выпускаемые в любой форме, от листовок до видеофильмов. Они содержат две части: первая — мотивация, вторая — действие. Это массовое средство воздействия без всяких претензий на интеллектуальность, но в то же время с подчеркнутым уважением к реципиенту. Задача заключается в формировании мощной актуальной мотивации, а потом в объединении мотивов и действий во времени и пространстве при появлении необходимых условий. Для примера покажу советские плакаты (рис. 2), четко иллюстрирующие вот эту идею, эту мысль. Обратите внимание, здесь лозунги, которые ясно и четко дают понять людям, в каком направлении нужно двигаться и что они от этого получат, какое будущее их ждет. Это все было в нашей истории, этот опыт надо вспомнить и применить на нашем новом историческом этапе. Это прекрасный пример того, как содержание труда в политике проявляется в сопряжении предмета труда (состояния народа) с проектом переустройства общества, изменения общественного строя, захвата рынков сбыта и источников сырья и пр.

Рис. 2

Но и мотивация не всегда доступна в политической деятельности, как и расчет на активацию процессов мышления. Успех часто оказывается на стороне тех, кто сумел быстрее и интенсивнее задействовать *аффективную сферу* человека, его *эмоции и чувства*. Это третий уровень интеллектуальной экспансии. В этом случае главные идеи какого-либо учения не доказываются, а предъявляются объекту экспансии в эмоционально яркой форме — непременно такой, чтобы он был не в состоянии уклониться от созерцания впечатлений, которые для него подготовлены. Для этого у нас есть замечательные традиции, например шествия «Бессмертного полка», парады на День Победы, даже крестные ходы — все это некие мероприятия, которые захватывают человека на аффективном уровне, даже, может быть, против его воли, когда люди не могут не испытывать солидарность, сочувствие, гордость за то, в чем они участвуют или хотя бы даже это все наблюдают. Это очень важные вещи, и нужно заметить, как против этого серьезно, как ужасно борются наши противники, наши враги. Их задача — все это дискредитировать, обесценить, высмеять. Это очень важные вещи. И не только шествия, сюда относятся любые средства культуры, искусства. Для примера привожу работы из серии «Вечно живые» забытого почему-то у нас автора литовского происхождения Стасиса Красаускаса (рис. 3). Посмотрите, ведь они нисколько не устарели, здесь просто на эмоционально-аффективном

уровне объясняется, в чем смысл самопожертвования солдата. Здесь не нужно философствовать, ничего не нужно объяснять, ни к чему не нужно призывать, здесь все сразу становится понятно. Почему-то это забыто, вообще никто не помнит об этом авторе, об этих работах, но нам и новые нужно создавать такого же уровня.

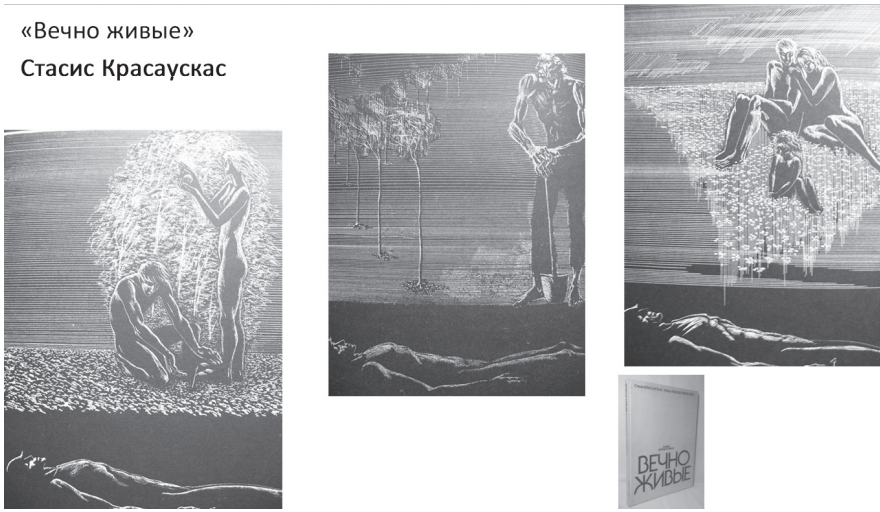

Рис. 3

Далее. Интеллектуальная экспансия использует и четвертую группу психологических механизмов — *процессы перцепции: ощущение и восприятие*. Все политические учения и концепции помимо когнитивного компонента, волевого и эмоционального, привносят в жизнь и сопутствующие стандарты, стереотипы. Их цель — отличить, «отмаркировать» свое от чужого. Перцептивные стандарты пронизывают все материальное воплощение учения, осуществляющее экспансию, причем большая часть населения территории, где эта экспансия осуществляется, не имеет сколько-нибудь глубоких представлений о содержательной стороне этого учения. Учение продвигается в социальную жизнь общества в первую очередь за счет замены эталонов внешнего вида человека, способов общения, интерьера окружающей среды, музыкальных новаций, словаря общественных и бытовых терминов, архитектурных реконструкций. Здесь у нас довольно скудный пока что, к сожалению, набор средств. Вот президент похвалил кокошники, и пожалуйста — они уже появились

в продаже. Это неплохо, да? Но если вы посмотрите на улице, какую символику носит молодежь на своей одежде, то будете очень удивлены: микки-маусы, британские флаги, перевернутые пентаграммы... Это вопрос к дизайнерам, художникам — как сделать наши символы привлекательными, как их разнообразить, как сделать так, чтобы их хотелось на себя надевать, носить с собой.

У нас в СЗИУ РАНХиГС на факультете дополнительного образования идет программа профессиональной переподготовки «Специалист по работе с молодежью», в которой я принимаю участие. Я очень сильно обрадовалась, что такая работа ведется. Ведь это, в сущности, подготовка тех самых профессиональных политиков в молодежной сфере. Это не просто «специалист по работе с молодежью», а на самом деле это настоящая политическая работа. И эти специалисты должны быть профессионалами.

Во время занятий я обращаюсь к слушателям в аудитории, показывая слайд (рис. 4) с одной из последних фотографий Чарли Кирка, с того злополучного митинга в студенческом кампусе, где его застрелили.

Рис. 4

И спрашиваю:

— Слышали об этой истории?

— Да, — отвечают, — слышали, знаем.

— Скажите, пожалуйста, — спрашиваю дальше, — какой вы видите здесь политический символизм?

Все смотрят недоумевающе. Я продолжаю:

— Вы видите, что за лозунг там написан, какое слово на футболке Кирка и почему?

Нет, никто даже не пытался прочитать.

— А между тем вы видите не случайные слова. На лозунге за спиной Кирка написано: “Prove me wrong” (докажи, что я ошибаюсь). Этот человек работал на уровне мышления. Он обращался к молодежи. Он был готов общаться с ними наравне, беседовать на интеллектуальном уровне. Редкий человек. Очень редкий человек. И поэтому страшно опасный.

Хорошо, я спрашиваю:

— Что у него написано на футболке?

Кто-то прочитал:

— “Freedom” написано.

Я говорю:

— А почему?

— Да нет, не знаем.

— Ну, что такое *Freedom*?

Кто-то вспомнил: свобода. Я говорю:

— А вы помните, как зовут ту статую, которая стоит в Нью-Йорке, один из символов США?

— Да, — отвечают, — статуя Свободы.

— Это по-русски, — говорю, — а по-английски как?

Они даже не понимают! Я говорю:

— Ну как же, *Liberty* ее зовут! А теперь скажите мне: почему у Чарли Кирка написано не *“Liberty”*, а *“Freedom”*?

Ну, естественно, никто не знает.

Дальше. Я привожу пример, объясняю, что в английском языке есть два понятия: freedom и liberty. Даю ссылку на британского философа, одного из основателей современной либеральной политической философии — Исайю Берлина, который в 1958 г. написал работу «Две концепции свободы», а в 1969 г. — «Четыре эссе о свободе», в которых очень четко постулировал, что между двумя пониманиями свободы существует не просто противостояние или противоречие, между ними идет война. Его позиция заключается в том, что либеральная демократия предпочитает опираться на негативное понимание свободы, т. е. liberty, а всевозможные диктатуры, тоталитарные режимы —

на позитивное, т. е. freedom. И между ними идет война, абсолютно жесточайшая.

— Так мы с вами оказались свидетелями не просто убийства какого-то активиста, мы оказались свидетелями очень символичного политического действия, когда сторонник liberty убил сторонника freedom. Ведь на футболке Кирка не случайно было написано “Freedom”, а не “Liberty”? Не случайно. Почему не случайно? Опять же, мы касаемся политической символики смыслов.

Исайя Берлин давал такое определение негативной политической свободы: «Обычно можно сказать, что я свободен в той степени, в какой ни один человек или никакие люди не вмешиваются в то, что я делаю. В этом смысле политическая свобода — это всего лишь пространство, в котором я могу без помех предаваться своим занятиям. Если другие не дают мне сделать то, что без них я сделал бы, я несвободен; а если пространство сужают до минимума, можно сказать, что я подвергся принуждению или даже порабощению». Бесконечное расширение этого пространства личного произвола — это и есть смысл человеческой жизни, согласно либеральной идеологии.

Позитивную свободу Исайя Берлин определял так: «Позитивный смысл понятия „свобода“ появляется тогда, когда мы пытаемся ответить на вопрос „кто мной правит?“ или „кто вправе сказать, что я должен делать именно это и быть именно таким?“. Позитивный смысл слова „свобода“ проистекает из желания быть хозяином самому себе. Я хочу быть кем-то, принимать самостоятельные решения, выбирать направление действия, а не подчиняться силам природы или другим людям, как будто я вещь, животное или раб, не способный жить по-человечески, т. е. определять и осуществлять собственные задачи, собственную стратегию». Позитивная свобода человека — это самодетерминация, власть над собой, которая, с точки зрения либералов, такая же насильственная вещь, как всякая другая власть, т. е. зло. Вот на каких противоположных позициях стояли Чарли Кирк и его убийца.

Интересным представляется вспомнить, кто такая Liberty, откуда она взялась, что за образ использован в этой статуе. Мало кто знает и кто понимает, откуда взялся такой странный образ, который мы нигде больше не наблюдаем. На следующем слайде (рис. 5) я привела образец, с которого был взят образ Liberty. Это древний образ, у которого есть свой смысл, — это Геката, анатолийская и фракийская богиня Луны, связанная с преисподней, всем таинственным, магией и колдовством.

Рис. 5

А каков тогда образ Freedom? Если вы будете искать в Интернете, то по запросу ничего, кроме статуи Свободы, не увидите. Иногда появляется в качестве образа пресловутый сжатый кулак, который использовался во всех «цветных» революциях. Иногда может быть птица, голубь например. То есть своего символа у Freedom как бы нет. А на самом деле есть... Я спрашивала у слушателей в аудитории, как они могли бы представить себе Freedom, в каком образе они бы ее выразили. И вот они думали-думали и потом говорят:

— Ну, это как будто человек стоит, и вот он руки так раскинул в стороны, как бы обнимая и принимая весь мир.

— Отлично, дальше вспоминаем, где такая статуя стоит.

— Не знаем, не помним...

Я говорю:

— Ну, в Бразилии же стоит огромная статуя Христа с раскинутыми руками.

— Да, точно, — вспомнили.

Но если серьезно, то знаком позитивной свободы можно считать христианский крест.

Я все это рассказываю для того, чтобы стало яснее: чтобы человек эффективно работал с молодежью и мог ей объяснить, что такое свобода, нужно иметь определенного рода базис знаний, которыми он должен пользоваться в этой работе. Я спрашиваю у аудитории:

— Давайте вспомним, что у нас на русском языке есть о свободе для той же самой молодежи.

Опять не можем вспомнить ничего, никакого произведения искусства.

— Ну а как же Кипелов, вы слова его слушали? Замечательная песня: «Я свободен от любви, от вражды и от молвы, от предсказанной судьбы и от земных оков, от зла и от добра, в моей душе нет больше места для тебя!» Это про что, про какую свободу? Так вот что́ мы предложим вместо такого, чтобы хотелось петь и слушать эту музыку?..

Дело в том, что никто из нас не сможет потянуть на своем месте в одиночку эту работу. Мы не сможем быть компетентны во всех областях. Посмотрите, сколько ролей необходимо реализовать (табл. 1). Их восемь, и я их адаптировала к аудитории специалистов по работе с молодежью. Они выполняют совершенно отдельные функции, их тоже восемь, и у людей, которые могут справляться с этими функциями, совершенно разные психологические особенности.

Таблица 1

Роли, функции и психологические особенности в политической работе с молодежью[1]

Роль	Функция	Психологические особенности
1	*2*	*3*
Ученый	Занимается исследованием фундаментальных вопросов человеческого бытия, таких как смысл, истина, познание, моральные ценности и место человека в мире в обстоятельствах новой реальности	Аналитический склад ума, доминирование мышления над чувствами, способность при минимальной информации создавать целостный образ, творческая ориентированность, оригинальность решений и суждений, независимость взглядов
Идеолог	Опираясь на научные знания, создает систему концептуально оформленных идей, выражающих интересы и мировоззрение субъектов политики	Склонен к догматизму, несговорчив, всегда готов вступить в дискуссию, отличается высокой продуктивностью и увлеченностью своим делом, умеет объяснять сложные идеи
Моральный лидер	Опираясь на идеологию, своим примером внедряет в массовое сознание систему целей, ценностей и смыслов жизни, образцы «правильного» поведения	Непреодолимая приверженность идее, пренебрежение трудностями, способность ради идеи не принимать во внимание ничьи интересы, сохранение конкретного мышления в ситуации конфликта и агрессивного противостояния

[1] По материалам лекций А. И. Юрьева и собственным наблюдениям автора.

Окончание табл. 1

1	*2*	*3*
Художник	Используя художественные образы разных форм, распространяет систему ценностей в наиболее привлекательном виде. Ф. Энгельс: «Чем больше скрыты взгляды автора, тем лучше для произведения искусства»	Яркость, выразительность, активное жизнелюбие, эгоцентризм, стремление быть в центре внимания любой ценой, беззастенчивость, недисциплинированность
Педагог	Содействует развитию личности и ее нравственных качеств, социализации на основе идеологических положений	Мягкость и теплота общения, яркие высказывания, живая мимика, живость эмоций, театральность жестов, стремление быть в центре группы энтузиастов, альтруизм, склонность преувеличивать значимость социальных ритуалов и ролей
Администратор	Организация и координация политической работы, обеспечение эффективности всех сотрудников, вовлеченных в процесс	Аналитический склад ума, системность и последовательность действий, аккуратность, обязательность, высокий эмоциональный интеллект, умение делегировать задачи и контролировать характер отношений в коллективе
Технократ	Отвечает за техническое обеспечение и внедрение новых технологий в работу всех сотрудников, вовлеченных в процесс	Необщителен, использует непонятную для окружающих терминологию, отличается оригинальным мышлением, рационален, прагматичен, имеет странные увлечения и хобби, не видит смысла в идеологиях, работает исключительно за деньги
Исполнитель	Обеспечивает безукоризненное исполнение распоряжений и реализацию проектов	Стремление к недостижимым идеалам, высокоразвитое чувство долга, обязательность и ответственность, совестливость, повышенная тревожность, зависимость от мнения других людей, склонность действовать на пределе возможностей, поддержка общепринятых норм жизни

Здесь нет ничего лишнего. Да, бывает, что какой-то человек может какие-то функции совмещать, но это редко. А так, по идее, это работа коллектива, это работа команды. Вот обратите внимание, здесь есть, например, технократ. У нас с вами сегодня здесь получилась живая иллюстрация. Вы умные вещи придумываете, пишете, а потом приходите рассказать, поделиться, а у вас микрофон не работает или презентация не переключается, и вся ваша интеллектуальная работа насмарку. А в политической работе вам надо будет организовывать выступления, крупные молодежные мероприятия, и все должно работать как часы, поэтому приходится сотрудничать с разными людьми, которые вам эту работу обеспечат, но которые, быть может, вам неприятны. Профессор А. И. Юрьев называл это психоценозом.

У меня всё. Спасибо вам за внимание!

7. Психотехнологии — «оружие массового поражения»?

А. Л. Катков

Уважаемые коллеги, всем добрый день. Большое спасибо организаторам круглого стола за возможность участия в этом памятном мероприятии.

Теперь к теме моего доклада.

С Александром Ивановичем Юрьевым я познакомился 12 лет тому назад — в то время мы проводили международный конгресс по деструктивным социальным эпидемиям. Александр Иванович глубоко проникся идеей, что это угроза номер один в современном мире. Уже тогда было абсолютно ясно, что социальные эпидемии — это не только перспектива существенного морального и экономического ущерба для страны, но также угроза существующим параметрам социального порядка. Александр Иванович согласился написать предисловие к моей книге «Деструктивные социальные эпидемии». Эта книга должна была издаваться под эгидой АКУНС[1]. Но потом наступил 2014 г., и понятно, что ни о какой совместной работе с международными организациями такого уровня речи быть не могло.

Чтобы было ясно, что такое деструктивные социальные эпидемии: это масштабные социальные явления (химическая зависимость; деструктивная психологическая зависимость — компьютерная, игровая, вовлечение в тоталитарные и экстремистские секты и пр.), негативные последствия которых представляют угрозу человеку, обществу, существующему социальному порядку. Александр Иванович Юрьев дополнил список деструктивных социальных эпидемий термином «деструктивные политические эпидемии», полноправным автором которого он и является. Особенность деструктивных политических эпидемий состоит в том, что это не просто какие-то экономические или социальные потери, но реальная перспектива конца цивилизации. Александр Иванович это очень хорошо понимал.

Последняя по времени деструктивная политическая эпидемия разворачивается на наших глазах. На Валдайской конференции первое

[1] АКУНС (ACUNS — Academic Council on the United Nations System) — Академический совет по науке при ООН.

лицо государства Владимир Владимирович Путин говорил следующее: «Там они что — с ума сошли, когда бесконечно твердят об угрозе нападения России на Европу? Но они же не могут так думать, что мы реально собираемся на них нападать. Ни один человек, живущий в Российской Федерации, не может думать о том, что мы собираемся нападать на объединенную Европу и НАТО». Но и ранее В. В. Путин несколько раз высказывался в том плане, что мы не можем быть настолько сумасшедшими, чтобы нападать на НАТО, поскольку такой задачи попросту нет, да и потенциалы несоизмеримы. И это все от первого лица нашего государства.

Особенно интересно, что в отношении механизмов «разгона» похожей деструктивной политической эпидемии высказывался Герман Геринг. На Нюрнбергском процессе он дал интервью американскому психологу Густаву Гилберту. Отвечая на вопрос Гилберта насчет того, как же миролюбивый немецкий народ уговорили воевать со всем миром, Геринг утверждал, что это очень просто: скажите людям, что на них собираются нападать, и они начнут готовиться к войне, а потом начнут воевать. Это, говорил Геринг, работает всегда. Это сработало в случае разгона Второй мировой войны, это работает и сейчас.

В свете сказанного становится понятен основной тезис моего доклада в отношении того, что психотехнологии могут быть использованы как «оружие массового поражения». Об этом, кстати, много раз говорили и такие признанные авторитеты, как Ноам Хомский, Стивен Хассен, Питер Кауфман и многие другие. Эти авторы анализировали современное психотехнологическое пространство и приходили к выводу, что основной вектор воздействия этого пространства на человека и общество явно деструктивный. И вот этот деструктивный вектор по объему и интенсивности воздействия многократно превосходит «островки» респектабельных помогающих и развивающих психотехнологий (психотерапию, психологическое консультирование и пр.).

Я вам покажу один слайд (рис. 6), который очень хорошо демонстрирует вот это соотношение. Вот посмотрите — это фото снято на открытии школы. Учителя, о которых сегодня так замечательно и много говорилось, прекраснодушные люди, они вещают о добром, вечном и полезном. А вот ребенок, который лежит под трибуной, — и куда же он смотрит? Он смотрит в светящийся экран своего гаджета. А на светящемся экране представлен весь контент Интернета со всеми деструктивными посылами, о которых сегодня много говорили.

Рис. 6

И следующий слайд (рис. 7) — это метафорические изображения человека в агрессивной среде, которой он ничего не может противопоставить. Это расколотое бытие с неизбежным снижением качества жизни, инфляцией привычных ценностей. Если это кажется какой-то натяжкой, то давайте посмотрим на аббревиатуры современного мира, как их рисуют социологи. ВУКА-мир — здесь ключевые термины такие: изменчивый, неопределенный, сложный, бессмысленный; БАНИ-мир — тревожный,

хрупкий, нелинейный, непостижимый; ШИВА-мир — расщепленный, беспощадный, невообразимый, ужасный, воспроизводящийся; ТАКИ-мир — турбулентный, случайный, хаотичный и враждебный[2].

Рис. 7

И теперь несколько слов о том, как наиболее опасная психотехнология когнитивно-ментального доминирования, разгоняемая в ходе ведущейся против России гибридной войны, воздействует на население Европы и Российской Федерации. Когда Михаил Михайлович Решетников в своем выступлении сказал о «паранойе», то это абсолютно точная квалификация психического состояния европейского населения, которое подпадает под эту технологию. Что же касается населения Российской Федерации, то, по данным уважаемого социологического агентства, 35% опрошенных

[2] VUCA — volatility (изменчивый), uncertainty (неопределенный), complexity (сложный), ambiguity (бессмысленный); BANI — brittle (хрупкий), anxious (тревожный), nonlinear (нелинейный), incomprehensible (непостижимый); SHIVA — split (расщепленный), horrible (ужасный), inconceivable (невообразимый), vicious (беспощадный), arising (воспроизводящийся); TACI — turbulent (турбулентный), accidental (случайный), chaotic (хаотичный), inimical (враждебный). — *Ред.*

взрослых людей боятся войны с внешним агрессором, 25% — гражданской войны и межнациональных конфликтов, 15% боятся терроризма и сатанизма, а 20–28% от общей выборки испытывают страхи в связи с угрозой повышения цен, обнищания и массовой безработицы. Особенно интересно, что вот этот расклад по структуре абсолютно точно совпадает с целями технологии ментально-когнитивного доминирования.

И тут нужно сказать совершенно определенно, что на собственно военном фронте успехи армии России безусловно присутствуют. А вот на информационном фронте, пожалуй что, успехов особых нет и, наоборот, можно говорить о проигрыше.

Далее. Подвергается атаке прослойка пока еще существующего экономического комфорта. Пока такое относительное экономическое благополучие существует — оно блокирует все внутренние конфликты. И, худо-бедно, состояние деморализации населения не доходит до своих крайних пределов. Но если это экономическое благополучие растворится, то угроза внутренних конфликтов станет реальной.

Еще один исторический пример. Почему Россия проиграла в Первой мировой войне? Не потому, что она была слабее на поле боя, а только потому, что армия и население были деморализованы, был атакован и разрушен феномен оборонного сознания. И если наша история ничему не учит, то финал будет абсолютно тот же самый.

В завершение моего выступления вот такой закономерный вопрос: а куда мы все-таки идем? Сергей Ервандович Кургинян, умный и темпераментный политолог, последнюю пару лет только и говорит о том, что пока у нас больше денег, людей, оружия — мы побеждаем. Но поскольку уже разогнана деструктивная политическая эпидемия, против нас собирается нешуточная коалиция, и у них уже больше денег, людей, оружия. И что тогда? Проиграть мы не можем. Но тогда проиграют все. Это термоядерный конфликт.

Сверхмощный искусственный интеллект в Массачусетском технологическом институте каждые две недели выдает наиболее вероятные прогнозы конца света именно в результате термоядерного конфликта. И Макс Тегмарк, который озвучивает эти прогнозы, не перестает говорить об этом наиболее реальном конце истории человечества.

Так что Александр Иванович Юрьев здесь был абсолютно прав: деструктивные политические эпидемии — это абсолютно реальная и самая страшная угроза для современного мира.

Ну, и самое последнее. Я опять буду ссылаться на В. В. Путина — его недавнее выступление в Валдайском клубе и памятные метафоры, кото-

рые он там озвучивал. Есть ли какое-то эффективное противодействие против «лома» когнитивно-ментального доминирования и разгоняемой при помощи этой технологии деструктивной политической эпидемии русофобии? А если есть, то из какого материала должен быть вот этот самый противодействующий «лом»? Из более прочного, наверное, материала, да? Уважаемые коллеги, мы должны разгонять социальные эпидемии со знаком «плюс», гораздо более мощные, чем атакующие нас психотехнологические волны вирусной информации. Они должны быть наполнены «термоядерными» энергиями, которые способна дать только авангардная наука о психике. Это должна быть эпидемия, которая меняет (вспоминаем Карла Ясперса и его характеристики осевого времени) глубинные цивилизационные контексты. И тогда вот этого конца света и цивилизации, возможно, не произойдет.

В 1970-е гг. в Киото на международной конференции по футурологии талантливый математик и глава крупной корпорации Кадзума Татеиси сделал точный математический прогноз в отношении эпохального развития на среднесрочную перспективу. Прогноз касался того, что приоритет информации и чисто информационных технологий неизбежно должен перерасти в приоритет категории психического и, соответственно, психотехнологий. Это говорил не психолог или психиатр, но математик и лидер японского бизнеса, который к тому же представлял политическую элиту страны. Сама эта новая эпоха была обозначена как *«Психонетика»*.

Кто этого еще не понял, тот проиграл. И будет проигрывать всегда.

Спасибо за внимание.

8. Когнитивная война: признаки гражданских конфликтов будущего

С. С. Уралов

Спасибо большое. Я постараюсь в пять минут уложиться. Я не был знаком с Александром Ивановичем Юрьевым, но внимательно прочитал его книгу, которую мне Инга Сергеевна Бурикова представила два с половиной года назад.

Я больше практик — только первый курс в Кубанском государственном университете, как раз лекционный. Когнитивные войны — это то, что я изучаю, в первую очередь на практике. Вот сейчас у нас на круглом столе такая ситуация: 30% аудитории постоянно сидели в смартфонах, еще где-то треть время от времени в них заглядывали, а треть где-то, плюс-минус, следили. Вот живая социология: треть постоянно была в смартфоне — об этом, собственно, и пойдет речь. Презентация будет в первую очередь для вас, молодые люди. Там как бы слайды, беседы с блогерами и ЛОМами, что можно сделать в плане домашнего задания.

Игорь Федорович говорил по поводу как раз натовских документов. Дело в том, что мы не явились на когнитивную войну. Вот Россия не явилась, потому что в США и в НАТО с 2017 г. когнитивная война — это официальная доктрина. В 1970-е гг. появилась доктрина информационной войны, с 2017 г. — доктрина когнитивной войны. А у нас никакой когнитивной войны нет в принципе. Российское государство живет в реальности информационной войны. Поэтому, коллеги, без всяких иллюзий — мы на нее (когнитивную войну) не явились на данный момент. Так же, как мы не явились на борьбу с сетевыми мошенниками 5–10 лет назад, когда они только начали выманивать деньги. Затем, после начала СВО, началась конверсия — а когда они просто звонили лет пять назад, у бабушек деньги выманивали, мы не очень обращали внимание.

Как работает когнитивная война? У человека логика очень простая. Когда он услышит информацию о том, что надо бежать из России, — от родственников, на работе, увидел по телевизору, увидел в смартфоне — он в это верит, всё как в сказке «Новое платье короля». Современное поколение 90% времени проводит в этой дряни. Когнитивная война кроется здесь [в смартфоне]. Следующий слайд (рис. 8). Принцип нанесения когнитивных ударов — общий единый сигнал [во всех медиаконтурах]. Все, что мы доносим по теме когнитивной войны для

поколения «25 минус», сразу должно быть оформлено в виде приложений, роликов и всего остального — они уже не читают текстов. Порядка 60% молодого поколения уже не способны читать. И поэтому любые наши книги, которые не превращены в приложения, в ролики, в новые медиаформы, они все «мимо кассы».

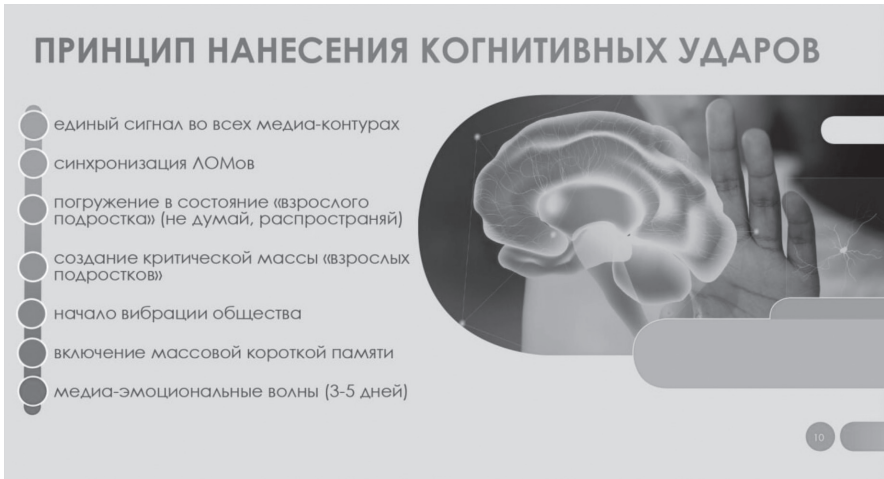

Рис. 8

Информацию в виде текста современное поколение воспринимает, как мы воспринимали дореволюционные книги, дореформенные (теоретически ты, конечно, можешь их читать, но никогда не будешь этого делать). Поэтому, как оружие, смартфон в каждом кармане. Главное — думать, как переводить его в контроружие. Приведу пример. Едем мы в метро — нам 10 минут нечего делать. Вопрос: что ты будешь делать? Либо ты будешь втыкать в какую-то «приложуху» глупую, да? Или в «Телегу», или включишь приложение, например для тренировки скорочтения, и эти 10 минут потратишь на то, что будешь тренировать свое мышление.

Оружие в каждом кармане, следовательно, нужно думать, что противодействие тоже должно быть в каждом кармане. Книга — это хорошо и правильно, но это недостаточно, это высший уровень — его надо «расшивать». Каждый политтехнолог знает, что концепцию избирательной кампании ты потом расшиваешь до листовки, слогана, месседжа... Книг недостаточно.

Далее. Я с Михаилом Михайловичем Решетниковым полностью солидарен, да, но проблема в том, что Украина у нас внутри, потому как мы сами глубоко западнизированы. Кто убил Владлена Татарского на соседнем (Васильевском) острове? Какое отношение Дарья Трепова имела к Украине? Она никогда там не бывала. Этот феномен мы сейчас с Алексеем Чаадаевым подробно разбирали и описали как феномен биодронов в рамках когнитивной войны. Биодрон — это когда человеком управляют извне, вербуют, т. е. технологии сектантской вербовки с помощью когнитивных технологий через обычный смартфон.

Считаю, что прецедент Дарьи Треповой требует отдельного исследования и разбора — это вопрос чести для Петербурга. Странно, но на нас большее впечатление производит убийство Чарли Кирка, чем Владлена Татарского, хотя последний — наш соотечественник, который был убит за убеждения в большей степени. Потому что Чарли Кирк был миллионером, блогером, суперЛОМом — и он нам интереснее, чем Татарский. Или показательна судьба Олеся Бузины — наш человек, убили его в Киеве, но его судьба нам не очень интересна.

Последний тезис — вопрос профессионального сообщества. Государство должно признать реальность когнитивной войны, но пока что оно не видит такой тип войны. Подчеркиваю, что у нас во всех концепциях только информационная война. Поэтому мы должны добиться, чтобы оно признало [когнитивную войну] — только тогда станет возможно противостояние. Потому что противостоять ей может только государство. Человек не может быть субъектом [этого противостояния] — поэтому сейчас, по состоянию на 2025 г., мы можем говорить только о противодействии на уровне личности или, может быть, коллектива (вуза, редакции, участка полиции и т. д.). Но противодействия быть не может, поэтому давайте не испытывать иллюзий.

Доклад окончен.

М. М. Решетников: Семён Сергеевич, коренное отличие, в двух словах, — информационная война и когнитивная война.

С. С. Уралов: Объясняю, смотрите: вот в информационной войне — так или иначе, 0 или 1, да или нет. В когнитивной войне вообще не важно, правда или ложь, — важно довести человека до того состояния...

М. М. Решетников: Эти детали понятны только компьютерщикам...

С. С. Уралов: Правда/ложь — это информационная война, когнитивная война — довести человека с помощью информации до состояния либо «зрады», либо «перемоги», т. е. либо полной депрессии, либо полной эйфории, и потом им манипулировать. Правдой можно загнать

до такого состояния человека, как феномен покойного Пригожина, да? Как он правдой довел до истерики пол-России. Помним же все, как это было? Вот что такое когнитивная война.

И. Д. Кефели: Реплику еще можно, Семён Сергеевич? Мне дополнить относительно того, что государство пока еще не обсуждает этот вопрос. Вот один документ, который был принят в прошлом году на заседании государств ОДКБ. Приняли заявление об использовании искусственного интеллекта (так называется), где одно из положений было зафиксировано следующим образом: необходимо объединять усилия в области обеспечения информационной и когнитивной безопасности. Точка.

9. Использование разработок А. И. Юрьева в современной инструментальной когнитивистике

А. С. Огнёв

Уважаемые коллеги, обратите внимание на этот слайд (рис. 9), на котором показан базовый прибор, с помощью которого мы применяли разработки Александра Ивановича Юрьева в нашей повседневной практике, когда мы аттестовывали информационный контент, который является оружием нападения в когнитивных войнах, направлен на трансформацию системы восприятия информации, а также на принятие решения на основе этой информации. Так мы для себя трактуем сущность когнитивных войн, и я показываю, как работает айтрекер в той версии, которая позволяет его использовать в разных мобильных аудиториях.

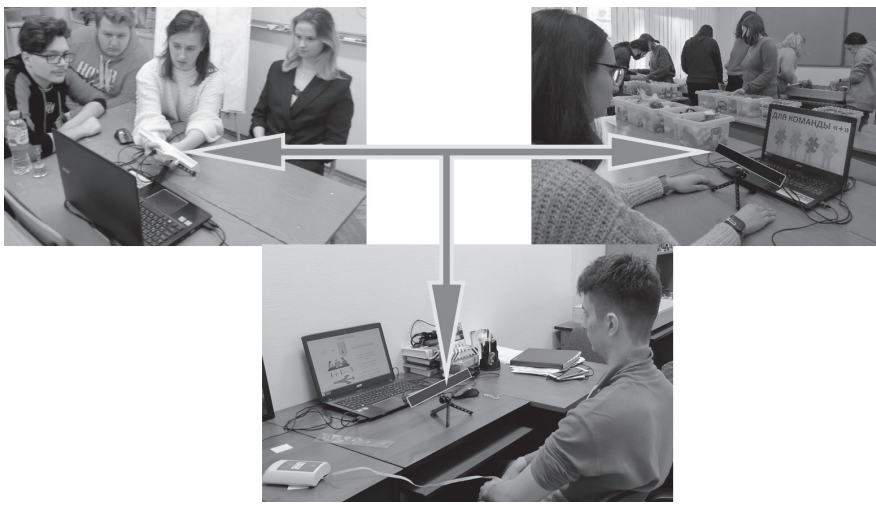

Рис. 9

Чтобы стало понятно, как мы используем визуальные стимулы, проиллюстрирую разработками А. И. Юрьева. Мы используем восьмицветовой тест Люшера в части, которая касается коэффициента отклонения от аутогенной нормы Люшера — Вальнеффера. Смысл заключается в том, что аутогенная норма Люшера — Вальнеффера, которая была установ-

лена для людей, находящихся в равновесном психическом состоянии, содержит в себе следующий порядок цветов (люшеровские цвета обозначаются цифрами):

3 4 2 5 1 6 0 7.

Далее, в зависимости от того, в каком порядке респондент выбирает цвета, мы можем определить отклонение от аутогенной нормы.

На следующем слайде (рис. 10) вы видите одну из таблиц, которая используется в методике Юрьева для того, чтобы оценить общий суммарный балл. Следующий слайд (рис. 11) показывает, каким образом эти баллы связаны с состоянием респондента, который видит определенный информационный контент, и дальше мы переходим к применению этого материала для аттестации различных ситуаций, с которыми наш респондент сталкивается. Если мы помещаем в центр между этими цветовыми квадратами надпись «нравится» и потом смотрим, куда человек непроизвольно в первую очередь обращает свой взор, то получаем результат, который нам демонстрирует, согласно Юрьеву, оптимальное соотношение между парасимпатической и симпатической нервными системами. Трактуется это отклонение от аутогенной нормы как вполне себе равновесное состояние, когда человек себя чувствует комфортно.

Определенный порядок цветов – аутогенная норма – является индикатором психологического благополучия. Для расчета суммарного отклонения (СО) сначала вычисляется разность между реально занимаемым местом и нормативным положением цвета. Затем разности (абсолютные величины, без учета знака) суммируются. В таблице приведен расчет суммарного отклонения (СО=18)

Цвет	Красный	Желтый	Зеленый	Фиолетовый	Синий	Коричневый	Серый	Черный
Норма								
Место цвета в выборе								
Разность								

Значение СО изменяется от 0 до 32 и может быть только четным. Значение СО отражает устойчивый эмоциональный фон, т.е. преобладающее настроение. Числовые значения СО интерпретируются следующим образом:

Больше 20 – преобладание отрицательных эмоций; доминируют плохое настроение и неприятные переживания. Имеются проблемы, которые респондент не может решить самостоятельно.

10 – 18 – эмоциональное состояние в норме. Респондент может адекватно радоваться и печалиться, сохраняя достаточный уровень самоконтроля.

Менее 10 – преобладание положительных эмоций. Респондент весел, счастлив, настроен оптимистично.

Рис. 10

Аутогенная норма	Баллы отклонения от нормы
7 – черный	7 6 5 4 3 2 1 0
0 – серый	6 5 4 3 2 1 0 1
6 – коричневый	5 4 3 2 1 0 1 2
1 – синий	4 3 2 1 0 1 2 3
5 – фиолетовый	3 2 1 0 1 2 3 4
2 – зеленый	2 1 0 1 2 3 4 5
4 – желтый	1 0 1 2 3 4 5 6
3 – красный	0 1 2 3 4 5 6 7

Больше 20 – преобладание отрицательных эмоций, доминируют плохое настроение и неприятные переживания.

10 – 18 – эмоциональное состояние в норме.

Менее 10 – преобладание положительных эмоций, оптимистического настроения.

Рис. 11

Теперь мы меняем ситуацию. Надпись «не нравится» приводит к тому, что ассоциативно человек начинает рассматривать те цветовые композиции, которые демонстрируют очень высокий уровень нестабильности. Нам нужна такая калибровка для того, чтобы потом перейти к аттестации различного рода контента. Все то же самое получаем в отношении слова «победа» — вы видите позитивный вариант реагирования. С помощью коэффициента аутогенной нормы подсчитываем разницу по формулам, которые были предложены Юрьевым. Слово «поражение» вызывает резкий диссонанс, мы видим колоссальный дискомфорт, переживаемый нашим респондентом, который смотрит на экран компьютера. Слово «друг» — позитивная реакция, слово «враг» — ярко выраженная негативная реакция.

Дальше мы проверяем визуальные стимулы. Замечательный красивый котенок вызывает исключительно положительную реакцию, довольно комфортное реагирование, которое можно фиксировать по разработкам, предложенным Юрьевым. А вот кот, который выглядит неблагополучным, чем-то страдает, и мы видим выраженную крайне негативную реакцию нашего респондента. Для того чтобы не быть заложниками одного метода, мы параллельно активно применяли еще и оценку кожных гальванических реакций с помощью стандартного полиграфа типа «Барьер 14», и еще мы использовали компьютерную кардиометрию, которая позволяет оценивать индекс напряженности системы.

Когда мы работаем с кожной гальванической реакцией, то здесь можно оценить и конкретные изменения в килоомах, и проводимость кожных покровов, а также можно посчитать общую площадь под кривой, которая соответствует интенсивности тока, это та ситуация, когда мы можем проводить калибровку. Например, изображению крайне неприятной крысы соответствует одна площадь под кривой. А при виде благообразного кролика площадь под кривой меняется практически в полтора раза, т. е. мы можем довольно достоверно сказать, какие психофизиологические процессы и какого характера протекают, когда человек видит тот или иной контент.

Можно сравнить реакцию двух разных групп людей на словосочетание «хорошее настроение». Это группа людей, которые отправляются в летний лагерь, чтобы выполнять роль вожатых, и группа хорошо обученных сотрудников авиакомпании. Достаточно хорошо фиксируется их благорасположенность к тем событиям, которые их ожидают, и общее настроение можно фиксировать достаточно четко.

Еще мы опробовали так называемый реверсивный режим, когда мы просили «смотреть наоборот», т. е. выбрать наименее подходящий цвет для слова, которое размещено в середине. Здесь идет очень мощный скачок, и характеристики, связанные с отклонением от аутогенной нормы, показывают, что люди испытывают колоссальный дискомфорт.

Я пропускаю несколько слайдов, которые показывают степень валидности этой методики, и сразу перехожу к тому, что касается собственно когнитивных войн и того материала, который может быть использован при целенаправленном воздействии, трансформирующем восприятие этого мира. Нами была проведена целая серия исследований, в рамках которой мы смотрели тот контент, который размещается в Интернете в ходе политических кампаний. Один из серьезных проектов, который мы выполняли, — это оценка материалов, которые использовались, чтобы рекламировать в Интернете активную гражданскую позицию жителей. На данном слайде показаны образцы тех материалов, которые аттестовывались. Размещались эти материалы в центре экрана, а по краям были размещены световые индикаторы, соответствующие восьми базовым цветам теста Люшера. Далее производился подсчет того суммарного воздействия, которое оказывает этот контент, и считалась степень отклонения от аутогенной нормы. Это позволило нам довольно четко отделить группу материалов, вызывающих благоприятную реакцию, от тех материалов, которые вызывают негативную реакцию.

В результате было обнаружено, что когда мы пытаемся размещать агрессивный материал, который содержит нападки, например на плохих чиновников, какие-то события или каких-то персонажей, которые нам не нравятся, то внутри, в глубине подсознания нашего респондента происходит активная борьба, и часто бывают ситуации, когда мы получаем диаметрально противоположный эффект. А вот когда мы показываем материал, в котором содержится некая польза, значимая для нашего респондента, мы получаем позитивный эффект. В результате нам удалось в ходе исследования выделить целую подборку материалов, которые не подходят для того, чтобы использовать их для популяризации идей активного гражданина. Как оказалось, это большинство материалов, разработанных дизайнерами. Но мы нашли варианты изменения реакции респондентов на этот контент, которые позволяют активно корректировать такого рода материалы и, с одной стороны, оценивать степень неблагоприятного воздействия, которое оказывает этот материал, а с другой стороны, показать дизайнерам, в каком направлении нужно их доработать, если мы хотим добиться позитивной реакции на используемый визуальный контент.

Я закончил свой доклад. Благодарю вас за внимание и готов ответить на ваши вопросы.

И. С. Бурикова: Александр Сергеевич, огромное вам спасибо. Большое спасибо, что вы используете наработки Александра Ивановича по цветовому тесту Люшера в реальной практике. Если можно, у нас уже созрели идеи и просьба напроситься к вам на встречу, чтобы представить нашим студентам вашу практическую работу. Ее можно прямо брать и использовать уже в реальной профессиональной деятельности. Спасибо вам огромное.

А. С. Огнёв: Большое спасибо, я с удовольствием принимаю ваше предложение и с удовольствием поделюсь этими технологиями. Это далеко не все, что мы делали. Большие разработки мы проводили в Крыму, где с помощью такого же рода приемов выявляли группы людей, благорасположенных ко всем преобразованиям, которые в Крыму происходят, и группы людей, которым это не нравится, с выделением технических структур, которые на самом деле оказались трансформированы под воздействием вражеской агитации. Спасибо вам огромное.

10. Национальный коммуникационный суверенитет: концепция и большие вызовы для России

Д. П. Гавра

Уважаемые коллеги, я бы начал с того, сколько времени мы с Александром Ивановичем были знакомы — почти 40 лет (не верится!). Мы познакомились с ним, когда я работал в идеологическом отделе Ленинградского горкома КПСС. Это был 1987 г. И тогда политическая психология, которую он со своим коллективом создавал для нашей страны, только получала «права гражданства» на нашей тогда еще советской территории. И уже тогда она превратилась в практический инструмент. Я был одним из тех людей, которые вместе с командой Александра Ивановича собирали эмпирический материал, помогали учить людей. При этом мы прекрасно понимали, что, так или иначе, мы все равно этот раунд борьбы против разрушения страны проигрываем. Проигрываем тем, кто работает против нас в рамках того, что теперь называется когнитивными войнами. И, тем не менее, Александр Иванович и в кампаниях 1990-х, и вот этой тяжелой кампании 1996-го, которую мы все помним, двигался вперед. И были наши совместные проекты. Это колоссальный опыт для меня.

И крайне важно, что он был для меня подлинным камертоном того этического отношения к профессии, непростой политтехнологической, которое я, пожалуй, наверное, мало у кого в целом в нашем академическом сообществе, даже самом авторитетном, встречал.

Начну с того, чем мы занимаемся сейчас в рамках наших больших проектов. Это проект исследования проблем коммуникационного суверенитета государства. И предметно-коммуникационного суверенитета России.

Национальный коммуникационный суверенитет — это уже не абстрактное академическое понятие, а насущная геополитическая реальность.

Очень коротко, что такое государственный суверенитет в рамках международного права. В теории государства и права государственный суверенитет понимается как фундаментальное качество государства, проявляющееся в его способности сохранять единственность источника собственной власти, осуществлять свое верховенство, независимость во внутренней и внешней политике. Согласимся здесь с Гегелем в том,

что суверенитет — это не есть атрибут государственной власти или народа. Суверенитет — это атрибут государства как такового; по Гегелю, его базовыми характеристиками являются единство и независимость. В главе 1 «Основы конституционного строя» Конституции РФ в ст. 4 прямо говорится о государственном суверенитете как о важнейшей основе конституционного строя: «Суверенитет Российской Федерации распространяется на всю ее территорию». Я задам вам вопрос: что здесь территория, кроме первичного понимания, что это — некоторые квадратные километры воды и суши? Коллеги, то, о чем мы сегодня в контексте когнитивных войн говорим постоянно, о метафорическом смысле, какая она — *вся территория* Российской Федерации? Как мы должны понимать этот конституционный, казалось бы, сухой правовой термин «вся территория Российской Федерации»?

С нашей точки зрения, в широком плане у территории государства есть не только географическое измерение, но и более широкое — ментальное, ценностное. И национальной территорией можно также считать ментальное пространство, в котором функционируют смыслы, детерминирующие сознание и поведение граждан. Добавим к этому сферу информационного потребления, которая сегодня для большинства поколений практически полностью переместилась в Сеть.

И в этом плане вполне очевидно, что когда мы говорим о суверенитете на всей территории Российской Федерации, для нас принципиально важно, что под этими территориями мы, очевидно, понимаем суверенитет именно в этом пространстве, в ментальном. И вот теперь вопрос: а что у нас с суверенитетом на этой территории? Возьмем последние примеры. Вспомним похороны человека по прозвищу Паша Техник. Вы знали этого человека до трагических событий, социологи, политические психологи, политтехнологи? А молодежь знала. На его похороны пришли десятки тысяч молодых людей. Это про наш коммуникационный, когнитивный, ментальный суверенитет? Или про его утрату?

Еще один пример. Передо мной рейтинги лучших фильмов — то, что смотрят и оценивают российские аудитории, — берем на «Фильм.ру» и прочих российских поисковиках. Выдача дает шесть — восемь первых по рейтингу фильмов и сериалов — и ни одного российского. США, Канада, Великобритания. Это аналитика последних трех лет. Но так было и раньше. Я уже не буду говорить про то, что называется глубокой медиатизацией. Сетевая медийная западно ориентированная логика проникает в глубины сознания. Об этом, кстати, моя новая книга «Медиатизация социальности в платформенном обществе: про-

цессы и эффекты». Мы пишем о том, что в цифровом сетевом мире мы получили принципиально другого человека, иной антропологический тип — мы называем его Homo mediacommunicatus, человек медиакоммуникационный, который в существенной мере детерминирован теми внешними потоками, которые он в режиме постоянного нахождения в Сети активно или, что опаснее, пассивно потребляет. Эти процессы, особенно если вспомнить теорию поколений Штрауса и Хау, на наших «зетах» и «альфах» реализуются в полной мере.

Для меня принципиально важен тезис о том, что в современных условиях обеспечение коммуникационного суверенитета прямо сопряжено с обеспечением национальной безопасности. И эти проблемы требуют теоретико-методологического ответа, чем мы в рамках нашей научной школы и занимаемся.

На сегодня мы имеем массу формул суверенитета в духовном пространстве, множество терминов. Это не всегда хорошо. Духовный, ментальный, когнитивный и тому подобные суверенитеты обсуждаются в профессиональной литературе. Но мы считаем, что нужно выходить на метауровень и интегрировать парциальные концепции суверенитетов. Мотивационная сфера, мифология, ценности, разделение мира на «своих» и «чужих» — всё это также, если мы говорим о суверенитете, может быть предметом защиты национально-государственного интереса или, напротив, объектом внешнего воздействия, управления, наконец агрессии. И это ставит на повестку дня вопрос об интегральном концепте. В качестве такового мы предлагаем понятие национального коммуникационного суверенитета.

Дадим рабочую дефиницию категории коммуникационного суверенитета. В самом общем виде национальный коммуникационный суверенитет — это, с одной стороны, способность государства самостоятельно управлять своей информационно-коммуникационной сферой, ее продуктами и эффектами для национальной аудитории; с другой стороны, возможность этой сферы, включая ее важнейший компонент — медиакоммуникационную индустрию, самостоятельно реализовывать свои функции без критической зависимости от зарубежных игроков, как из сферы большой политики, так и из бизнеса.

По нашей теоретической модели структура коммуникационного суверенитета носит трехкомпонентный характер:

• мы выделяем жесткую, так называемую hardware-составляющую — это технологический программный компонент, компоненты, системы, софт, серверы, спутники, это все, что задает технологическую,

программную и аппаратную инфраструктуру национальной системы коммуникаций;

• вторая составляющая — экономический компонент суверенитета — задает структуру и характеристики собственности на коммуникационные ресурсы и коммуникационный продукт, собственности на ресурсы цифровой и медиакоммуникационной индустрии;

• наконец, то, о чем мы говорим сегодня напрямую, это третий компонент — духовно-ментальный, это мягкая составляющая, в нашей терминологии — контентно-ценностный компонент. Это характер, наполненность контента, национальный, культурно-исторический и ментально-ценностный код.

Вот эта трехкомпонентная модель коммуникационного суверенитета, с моей точки зрения, требует адекватного, в том числе нормативно-правового, регулирования со стороны государства.

Учитывая, что время у меня бежит стремительно, кратко обозначу еще одну разработанную структурную модель коммуникационного суверенитета — процессуальную, опирающуюся на модель коммуникации Лассуэлла. На ее базе мы выделяем пять компонентов коммуникационного суверенитета. И это все пять компонентов, которые должны стать предметом нормативного правового регулирования со стороны государства и контроля со стороны институтов безопасности государства.

Важнейший здесь — *S-компонент*, или S-суверенитет, это суверенитет в части права и возможности государства самостоятельно определять, кто может выступать коммуникационными источниками на его территории. Это лицензии, законодательство об иноагентах, регулирование и контроль всех возможных коммуникационных источников, включая сферы образования и культуры.

M-компонент — это суверенитет в части права и возможности государства самостоятельно определять, какой контент распространяется для его внутренней аудитории. Это цензура, контроль во всем коммуникационном поле культурных, образовательных и, принципиально важно, креативных индустрий. Это не только медиа, это все креативные индустрии.

Еще два компонента. *C-суверенитет* — суверенитет в части того, что касается каналов коммуникации — в части права и возможности государства самостоятельно определять, какие каналы и инструменты коммуникации доступны внутренней аудитории, в том числе программное обеспечение, цифровые инструменты, разрешенные и блокированные

каналы во всем поле коммуникационных, культурных, образовательных и креативных индустрий.

Наконец, последний компонент — это *компонент-эффект*, реальное состояние сознания и поведения граждан, которые реализуют современные национальные цели, ценности и интересы в своих политических, экономических и культурных практиках.

И тут мы идем на следующий уровень. Если возьмем циркуляционную модель Осгуда — Шрамма, то придем к тому, что на самом деле главные компоненты коммуникационного суверенитета на ментальном уровне связаны со способностью человека декодировать и кодировать на уровне автономных суверенных коммуникационных кодов.

Закончу я тем, что мы запустили на базе СПбГУ проект по коммуникационному суверенитету, приглашаем к сотрудничеству.

Так или иначе, дискуссия о когнитивных противостояниях очевидно выходит на большую проблему, касающуюся того, что мы называем в широком плане коммуникационным суверенитетом. Возможно, стоит ставить вопрос о Коммуникационном кодексе РФ. У нас есть разные кодексы, а коммуникационного кодекса не хватает.

И, завершая, в этом контексте скажу: нам нужно учиться делать то, что всегда делал профессор Юрьев — профессионально выходить на политический уровень и уровень законодательных решений.

Спасибо, коллеги.

11. Негативное информационное воздействие на население СКФО: ключевые акторы и направления противодействия

В. С. Шевцов

Уважаемые коллеги, участники мероприятия, тема моего доклада выбрана не случайно, поскольку сегодня Северо-Кавказский федеральный округ представляет собой достаточно проблемный регион с позиции безопасности Российской Федерации. Не будет преувеличением сказать, что обстановка в нем остается достаточно напряженной, а сам он является объектом геополитических и региональных интересов многих государств.

Если внимательно изучить политическую географию и историю региона, то станет понятно, что территории, входящие на сегодняшний день в состав СКФО, ранее имели различную протекцию. В числе важных его характеристик — множественность религиозных культур, сочетание обычаев и традиций более 100 народностей. Также его по праву называют самым «молодым» регионом: 1,1 млн чел., или около 30% населения, — это лица в возрасте от 14 до 35 лет. Особо подчеркнем, что в политических и военно-политических документах США и их сателлитов Северный Кавказ традиционно позиционируется как регион — «мягкое подбрюшье» России (ранее — СССР), грамотное информационное влияние на который может активизировать центробежные силы и привести к обрушению государственности их геополитического противника.

В политической литературе негативное информационное воздействие представлено множеством определений и сложной структурой. Часто его дифференцируют на два взаимосвязанных компонента: информационно-психологическое и информационно-техническое. В связи с этим следует раскрыть содержание каждого из них. Под первым понимается воздействие на интеллектуальную, рационально-волевую, эмоционально-чувственную сферу психики, а также на общественное, групповое и индивидуальное сознание, проводимое для формирования у людей прогнозируемых мнений, взглядов, мировоззренческих и психологических установок, поведенческих реакций и состояния. Под вторым — влияние на информационно-технические объекты, системы, информационные потоки, ресурсы, а также циркулирующую в них информацию с использованием программно-аппаратных, радиоэлектронных и других средств. Важно отметить, что в условиях активного развития информационного

общества между ними порою сложно провести грань, так как целевым образом модифицированная информация способна повлиять на человека или конкретное сообщество.

В этой связи важно перечислить ключевые направления оказываемого негативного информационного воздействия на население СКФО.

Идеологическая подпитка сепаратизма и идеи так называемой деколонизации региона. В основе такого воздействия лежит стремление сформировать установки на воссоединение народов, некогда разделенных границами. Справедливо сказать, что на неокрепшее, не способное достаточно качественно и критично мыслить молодое население воздействуют по формуле: если есть социально-экономические, бытовые, иные связанные с ними проблемы, то виновником этого является власть, и если бы она когда-то не разделила народы, то люди жили бы лучше в составе другого государства (Турции, Азербайджана и др.). Многие представители этнических групп не могут адекватно оценить, что они являются всего лишь инструментом в руках недружественных России государств.

Инспирирование проблем межрелигиозного и межнационального плана. США и их союзники не раз пытались провоцировать беспорядки, противопоставлять население региона центральной власти. Например, на фоне того, что Российская Федерация поддерживает Иран, где превалируют мусульмане-шииты (в России основу составляют сунниты). Широкий резонанс на федеральном и международном уровнях получили произошедшие 28–30 октября 2023 г. массовые беспорядки в международном аэропорту «Уйташ» и акция возле отеля «Фламинго» (г. Хасавюрт), активное участие в которых принимала молодежь в возрасте от 20 до 30 лет.

Манипулирование целевыми аудиториями под прикрытием продвижения гражданских инициатив. Так, инициативы в области борьбы с коррупцией в регионе, повышения уровня благосостояния и социально-бытового обеспечения нередко становятся предметом инсинуаций, искажений. В итоге вполне обоснованные требования населения с использованием политтехнологий умело трансформируются в недовольство, экстраполируемое не на конкретных представителей власти, ответственных за какую-либо проблему, а на вышележащие ее уровни. Попутно в систему формирования негативной информационной повестки вкрапляется идея «очистки» региона от «понаехавших», которые используют ресурсную базу региона для личного обогащения. Отметим, что сегодня Евросоюзом формируется и так называемая карта проблем Северного Кавказа,

позволяющая при каждом удобном случае оказывать влияние на его болевые точки.

Продвижение идей, подрывающих традиции населения, сложившийся семейный уклад. В данном аспекте ряд европейских государств под патронажем органов управления Евросоюза проводят политику воспитания демократической гражданственности и образования в сфере прав человека. Активно насаждаются европейские ценности, такие как гендерное многообразие, борьба женщин за свои права, западнизация традиционного семейного уклада жизни, непопулярность многодетности, протестное поведение и др. Указанными направлениями не исчерпывается все многообразие информационных воздействий (акций, кампаний, операций и др.), поскольку они многосложны и зачастую взаимосвязаны. Все недружественно настроенные к России государства преследуют свои цели, но, действуя как политические попутчики, они наносят значительный ущерб миру и стабильности в российском регионе, отрицательно влияют на продвижение национальных интересов Российской Федерации.

Обозначим ключевые векторы воздействия наиболее враждебных акторов:

• *США*: продолжают рассматривать Северный Кавказ (особенно СКФО) как ключ к распаду России, обрушению ее государственности;

• *Великобритания*, *члены Евросоюза*, *Украина*: оказывают активное влияние в рамках политики открытия «второго фронта» с Россией, что должно поставить ее в невыгодное политическое и экономическое положение, подорвать легитимность власти, побудить пойти на уступки в вопросах урегулирования конфликта с Украиной;

• *Турция*, *Азербайджан*, *Грузия*: на фоне специальной военной операции России все более активно продвигают повестку объединения «разделенных» народов. Если выгода Грузии, латентно работающей под протекцией Евросоюза, заключается в стремлении заполучить утраченные территории (Южную Осетию, Абхазию), то Турция стремится к девальвации влияния нашей страны на Кавказе путем распространения идеологий пантюркизма и неоосманизма среди тюркоязычных народов и мусульманского населения России, формирования приверженности протурецкой идентичности, активно использует протестный потенциал турок-месхетинцев. Схожую политику открыто реализует Азербайджан, который в лице своих официальных представителей заявляет о необходимости реализации более активной работы по возвращению в свой состав так называемого Южного Дагестана.

С сожалением следует констатировать, что подобное влияние находит отклик у слабо защищенных социальных слоев населения, где уровень политического и правового нигилизма возрастает по мере снижения их доходов / покупательной способности. Отрицательное, а порою даже деструктивное информационное воздействие становится возможным в силу следующих причин:

• *сравнительно невысокий уровень образования и критичности мышления молодежи* — указанное обстоятельство акторы деструктивного влияния используют для формирования ложных оценок, суждений, причинно-следственных связей, негативного настроя. Далее, на фоне нестабильного психоэмоционального состояния, мотивируют на совершение противоправных действий;

• *большое число религиозных проповедников, латентно работающих на Турцию, Азербайджан и ряд других государств,* — справедливо сказать, что большинство из них готовит Турция, под маской борьбы за истинную веру продвигающая собственные интересы (в том числе террористическими методами, без демонстрации причастности). Ситуация усугубляется и тем, что в военно-промышленном, технологическом и кадровом плане официальные Баку и Анкара также поддерживают Украину, потворствуя ее преступным планам. В сочетании с первой причиной в такую деятельность все активнее вовлекается молодежь СКФО, реализуя установки враждебных государств;

• *расслоение населения по уровню дохода, плохое социально-экономическое положение в регионе* — это дает возможность контрсубъектам продвигать свои идеи и политику за деньги. В конкретном случае сочетание мер психологической обработки и мер материального стимулирования побуждает граждан к выполнению частных задач заказчиками: участие в акциях протеста и провокациях, несанкционированных митингах, демонстрациях, вандализме, а также подрывной деятельности в отношении критической или иной социально значимой инфраструктуры;

• *широкие возможности контрсубъектов в вопросе манипулирования населением через подконтрольные интернет-ресурсы* — наиболее активное влияние оказывает зарубежный контент, формируемый в целях дестабилизации обстановки в регионе. Распространяется он через запрещенные Telegram-каналы (например, заблокированный «Утро Дагестан» и его аналоги), которые нередко дублируются в Instagram, на веб-ресурсах «Кавказ. Реалии», «Наше время», «Горец», «Свободный Кавказ», “AbdullahAbrek” и YouTube. При этом контент, создаваемый с применением технологий

искусственного интеллекта, значительно повысил степень доверия населения к информационным вбросам.

Следует отметить, что общий спектр проблем осознается как на региональном, так и на общегосударственном уровне, побуждая к реализации ряда контрмер:

1) ведется активная борьба с коррупционными проявлениями в регионе, решаются назревшие социально-экономические проблемы и проводится грамотное информационное позиционирование предпринятых в интересах жителей региона мер;

2) дается четкая правовая оценка действий структур, вовлеченных в процессы дискредитации решений, принимаемых российскими властями. Особенно актуально это на фоне того, что заявляющие о своей дружественности и конструктивности во взаимоотношениях с Российской Федерацией государства (Азербайджан, Турция и др.), видя нашу слабую реакцию на «прощупывающие провокации», переходят к более активному стимулированию сепаратистских настроений в регионе, активно подключая к этому процессу и Казахстан;

3) организуются создание и активная поддержка собственных правозащитных организаций в объеме, достаточном для удовлетворения потребностей жителей региона, при параллельной системной дискредитации спонсируемых контрсубъектами структур, всего лишь прикрывающихся целями защиты прав человека и связанных с ними гражданских инициатив;

4) фокусируется внимание подконтрольных масс-медиа и информационных площадок на наиболее важных аспектах противодействия деструктивному информационному контенту, а не на самопиаре отдельных региональных представителей;

5) рекрутируются, вовлекаются в сотрудничество наиболее талантливые специалисты в области построения и продвижения информационного контента (особенно в молодежной среде) в качестве лиц, способных обучить, передать свой опыт действующим сотрудникам органов правопорядка.

Указанные меры сегодня особенно актуальны, поскольку противостоящие России государства проводят достаточно агрессивную политику с использованием всего спектра когнитивных технологий, что требует значительных трудозатрат и профессионализма от уполномоченных структур.

Благодарю за внимание.

12. Стратегии агонизма и антагонизма и региональный символический геополитический капитал

К. Э. Аксенов

Не вдаваясь в терминологическую дискуссию, предлагаю принять, что применительно к представленной теме стратегию примирения в конфликтах с участием символов, или символической политики, мы будем считать стратегией *агонизма*; соответственно, *антагонизм* — это стратегия конфронтации в тех же самых конфликтах. То есть, во-первых, без конфликтов мы не рассматриваем эти стратегии, во-вторых, мы не рассматриваем их без участия символов или не в контексте символической политики.

Я начну с выводов, а потом буду приводить примеры, добавляя красок и доказательств.

Главный тезис — символическая политика без стратегии агонизма или антагонизма сегодня не работает в принципе, как в России, так и за ее пределами. Однако те, кто участвуют в этой политике, часто не осознают этого. А если даже осознают и анонсируют свою приверженность одной из них, могут не подозревать, что в реальности их действия ведут в прямо противоположную сторону. Это означает, что необходимо понимать не только цели или свои собственные устремления в такого рода конфликтах, но и технологии, методы, которые ты используешь, и, самое главное, — что́ находится у тебя в руках, а именно свойства символического капитала, который формирует твои ресурсы в данном виде политики. Это, собственно, и есть главный тезис.

А теперь перейдем к краскам и доказательствам.

В июне 2016 г. на стену мемориального дома на Петроградской стороне в Санкт-Петербурге была водружена мемориальная доска памяти Густава Карловича Маннергейма (имя на ней написано в русской традиции, шведское имя — Карл Густав), где отмечались его военные заслуги перед Россией в период его русской службы. Эту доску открывала очень представительная делегация во главе с руководителем Администрации Президента Российской Федерации С. Ивановым и Министром культуры В. Мединским. Агонистическая мотивация присутствовала в словах тех, кто выступал на открытии этой доски на торжественном мероприятии: примирение, политика памяти, связанная с примирением, — это был лейтмотив тех выступлений.

А дальше начались акции протеста, включавшие пикеты и вандализм. Они совершенно точно носили антагонистический характер. Причем мотивации протестующих были совершенно различными: одни были связаны с наследием «красных» идей, другие выражали протест против связи данной символической персоны с фашизмом. В итоге доску демонтировали менее чем через четыре месяца после того, как повесили, по итогам судебных разбирательств и решению властей [2]. Было ли это актом агонизма или антагонизма, мы оставим на суд читателя.

Такие конфликты происходят во множестве, и, как будет показано далее, мы можем не догадываться об их существовании, они не всегда представлены в широком информационном поле или в широком общественном дискурсе. И, к сожалению, я не нашел системного научного обобщения и, главное, мониторинга такого рода конфликтов. Мы взялись за задачу восполнения этого пробела, не имея особых ресурсов, за исключением проведения практических работ силами нескольких групп студентов СПбГУ и ВШЭ (Москва). За несколько последних лет на основе материалов СМИ мы собрали довольно обширную базу данных о символических конфликтах по поводу памятников и топонимических объектов в городах России.

Урбанистические знаки, или носители символов, которые мы рассматриваем в качестве объектов нашего исследования, — это элементы пространства, в которых действительно концентрируются ресурсы акторов символической городской политики и сама символическая политика. Ольга Малинова, российский политолог, доктор философских наук, профессор, рассматривает символическую политику как деятельность социальных акторов, направленную на производство, конкуренцию и продвижение разных способов понимания социальной реальности. В отличие от О. Малиновой мы понимаем под ней не только производство способов интерпретации социальной реальности и борьбу за их доминирование, но и производство тех самых знаков и символов. Сначала их надо произвести, прежде чем использовать, интерпретировать и т. д. И это тоже, безусловно, часть политики. Поставить памятник или назвать улицу — это материальная политика, которая тоже относится к символической.

В определении геополитического мы используем школу критической геополитики, которая подчеркивает значимость ментального, и определяем геополитику как все, что связано с пространственной политикой выше государственного уровня. Количество конфликтов с использованием городских памятников, которые мы исследовали по единой методике, — более сотни, в списке далее приведены примеры только по трем темам, связанным с геополитической тематикой Российской Федерации.

Памятники раздора символам досоветской эпохи:

- Ермак (Тюмень, Тобольск, Омск);
- взятие Казани (Казань);
- Александр II (Сочи);
- Казачий форт (Сочи);
- Шамиль (Махачкала);
- Ермолов (Минеральные Воды, Краснодар, Адлер);
- Лазарев (Сочи, Нальчик);
- Суворов (Майкоп, Черкесск);
- Иван Грозный (Грозный, Астрахань, Чебоксары);
- Ермолов (Грозный, Минводы, Пятигорск, Орел, Адлер);
- фон Засс (Армавир);
- форт Святого Духа (Сочи).

Памятники раздора символам эпохи Гражданской войны и иностранной интервенции 1917–1922 гг.:

- Колчак (Омск, Иркутск, Стерлитамак, Хабаровск, Владивосток, Санкт-Петербург);
- Деникин (Москва);
- Врангель (Ростов-на-Дону);
- Корнилов (Краснодар);
- Каппель (доска; Ульяновск);
- Краснов (Ростовская обл.);
- белочехи (Самара).

Памятники примирения:

- «Вождям Белого движения и казачьим атаманам» (часть мемориала «Примирение народов России, Германии и других стран, воевавших в двух мировых и гражданской войнах»; Москва);
- «Сыновьям России, воевавшим в Гражданскую войну» (Севастополь).

Две темы связаны с явными проявлениями антагонистических настроений с участием памятников: первая — с памятниками, главным образом современными, символам досоветской эпохи, вторая — символам периода Гражданской войны и иностранной интервенции. И несколько примеров тех же периодов, где инициаторы установки памятников в самой номинации заявляли агонистические цели. В последней теме всего два примера, на самом деле их гораздо больше, и даже некоторые из примеров, которые здесь приведены, трансформировались в ходе конфликта из одного типа в другой.

Вот иллюстрация к первому разделу по поводу геополитических символов досоветского периода. Памятники Ермаку были установлены во множестве в постсоветское время, даже есть книжка, изданная

в Тюменском государственном университете, где они все анализируются. Поверьте, их очень много. Один из важнейших памятников стоит в Тюмени, он мемориальный, это один из центров памяти Ермака. И именно вокруг него развернулся один из самых громких и затяжных конфликтов, продолжавшийся с 1992 по 2022 г.

Один из фрагментов методики, которую мы использовали, представлен в табл. 2. Мы выделили акторов, которые участвовали в конфликте, и всего три показателя: это символ чего, с чем связан знак для актора; цель актора в отношении знака; достигнута ли эта цель. Первый актор в данном случае — это региональные и местные власти, позиция которых менялась в ходе конфликта — от поддержки установки до переноса в другую локацию и без упоминания Ермака. Их цели, особенно на последних этапах, анонсировались как агонистические. Второй актор — Фонд имени Ермака Тимофеевича, это казаки, русские патриотические и православные активисты. И третий актор — сибирские татары, как некая сторона, которая может восприниматься антагонистически (на самом деле мы увидим, что это совсем не так). Из каждой позиции мы выбирали доказательную базу из СМИ (никакой блогосферы, только официальные СМИ).

Таблица 2

Позиции акторов в символическом конфликте вокруг памятника Ермаку в Тюмени

Актор	Символ, с чем связан знак для актора	Цель актора в отношении знака	Достигнута ли цель
Актор 1: региональные и местные власти	Первопроходец, историческая личность	Увековечивание общероссийского символа в виде памятного знака. Закрепление символа как тюменского genius loci. Недопущение социальных напряжений	Нет
Актор 2: Фонд имени Ермака Тимофеевича, казаки	Культовая личность, русский православный первопроходец, «объединитель сибирских народов»	Репрезентация периода покорения Сибири и закрепление в общественной памяти нужных «маркеров» и ориентиров, закрепление национального символа	Частично (памятник — нет, крест — да)
Актор 3: сибирские татары	Завоеватель, разбойник, грабитель, унижение татар, символ раздора	Недопущение установки памятника как символа раздора	Да

Здесь приведены высказывания каждого из акторов.

Позиция актора 1 (региональные и местные власти). Из письма исх. № 94 от 30.01.2003 на № 107-ж от 24.01.2003 начальника управления архитектуры и градостроительной политики С. Н. Лескова «О памятнике „Ермак — покоритель Сибири“» к архиепископу Тобольскому и Тюменскому Димитрию: «Управление архитектуры и градостроительной политики администрации области поддерживает идею установки памятника „Ермак — покоритель Сибири“ в городе Тюмени, с размещением его в сквере „Ермака“ (район областного краеведческого музея), данная информация направлена в администрацию области, где в ближайшее время будет принято решение по данному вопросу» [5].

Заместитель губернатора Н. А. Шевчик: «Памятник Ермаку будет отражать не столько 400-летнюю историю сотрудничества народов, сколько момент завоевания и противостояния разных культур. Наиболее оптимальным решением может быть проведение администрацией города, в компетенции которой находится данный вопрос, конкурса на проект скульптурной группы основателям города» [4].

Позиция актора 2 (Фонд имени Ермака Тимофеевича, казаки). Надпись на памятном знаке, заложенном к 410-летию Сибирского казачьего войска 06.12.1992 казаками общественной организации «Тюменский союз казаков»: «Ермаку с товарищами. Потомки-казаки. 06.12.1992», после реконструкции памятника: «Ермаку и его товарищам вечная память. Потомки казаки. 6 декабря 1992 года». Тюменский казачий союз Союза казаков России заложил традицию посвящения «в казаки» у этого Поклонного креста как «символа возрождения былой славы Российского государства, зарождающих и возрождающих традиций российского казачества, возрождения православных традиций, восстановления исторической правды» [5].

Позиция актора 3 (сибирские татары). Обращение от татарской общественности города и Тюменского района: «Мы считаем, что памятник станет клином, вбитым между русскими и татарами в Тюменской области. Он будет напоминать каждому татарину, что он унижен, завоеван, а конституционный принцип равноправия народов — не более чем блеф...» [4].

Формально в приведенных высказываниях актора 2 нет прямых указаний на антагонистические устремления. Однако фигура Ермака для инициаторов (заявители — представители казачьих организаций) отнюдь не связана с популяризацией идеи примирения: название предлагаемого ими памятника — «Ермак — покоритель Сибири». Очевидно, что если

памятник планируется к установке на территории исторического проживания этносоциальных групп, которые считают себя потомками тех, кого «покорил» Ермак, то подобной инициативой трудно не вызвать у них антагонистическую реакцию. Официальная позиция сибирских татар: не надо вбивать клин, не надо раздора. Очевидно, что такая позиция, происходящая из стратегии агонизма, явно также конфронтационна по отношению к своим оппонентам. В итоге крест Ермаку не был ни снесен (как предлагал актор 3), ни перемещен (как предлагали в какой-то момент власти и независимые активисты), но и не был заменен монументальным памятником (как требовали представители актора 2). Крест остался на месте, а монументальный памятник «Легендарным казакам-первопроходцам Сибири» без упоминания имени Ермака власти поставили в менее центральной локации. Были ли при этом решении достигнуты анонсированные властями агонистические цели? В любом случае, полагаю, мы вправе отнести действия всех акторов к примерам рассогласования анонсированных смыслов и политического результата в категориях агонизма — антагонизма.

В табл. 3 приведен пример четырех подобных конфликтов в отношении памятников тому же Ермаку в разных городах России, которые мы исследовали.

Таблица 3

Результаты конфликтов вокруг памятников Ермаку в ряде городов России

Объект конфликта	Результат для актора 1 (региональные и местные власти)	Результат для актора 2 (казачество, православная церковь, русские предприниматели)	Результат для актора 3 (сибирско-татарские организации)
Памятник в Тюмени	Нет	Частично (памятник — нет, крест — да)	Да
Памятник в Тобольске	—	Да	Нет
Памятник в Омске	—	Да	Нет
Памятник в Таре	—	Да	Нет

Исходы разные. Отношение к антагонизму разное, не буду останавливаться на деталях, подробнее можно ознакомиться с этими кейсами в [1].

Второй пример — из периода Гражданской войны и иностранной интервенции. Памятник барону Врангелю (про который мало кто слышал, наверное) был установлен во дворе федерального государственного учреждения — Донецкого государственного технического университета — в 2023 г. После этого начался конфликт, где точно так же появились стороны конфликта, и антагонистические, и агонистические, сейчас я не буду их перечислять, в результате чего памятник был перенесен под крышу, внутрь учреждения, где его никто из посторонних не видит. Открытый конфликт практически угас.

Памятник в Севастополе «Сыновьям России, воевавшим в гражданскую войну» — пример заявленной агонистической стратегии. Это мемориальный комплекс, реализованный Российским военно-историческим обществом совместно с правительством города по поручению Президента страны и инициативе Международного совета российских соотечественников. Он был открыт 22.04.2021 с участием Президента Российской Федерации. На лицевой части постамента надпись: «Мы единый народ и Россия у нас одна» (переложение цитаты из послания В. В. Путина Федеральному Собранию от 01.12.2016). «Памятник имеет глубокий исторический смысл, поэтому вызывает дискуссии, заставляет вспоминать уроки истории. Напоминает нам: внутренняя вражда непременно приводит к ослаблению страны. Символично, что он появился в Севастополе, патриотической столице России», — отметил губернатор Севастополя М. В. Развожаев накануне открытия монумента.

На монументе есть фигуры и красных, и белых, заявления и самого президента, и губернатора носят явный агонистический характер. Тем не менее начался конфликт, в котором мы насчитали целых пять разных акторов, имеющих совершенно разные устремления. Агонистических среди них меньшинство — только собственно власти и некое экспертное сообщество в лице художников и архитекторов, выступавших в качестве примирителей. Остальные, с разными антагонистическими обоснованиями, требовали убрать монумент.

Был, кстати, кейс в Иркутске, когда, увидев разгорающийся конфликт по поводу планов установки памятника Колчаку, инициаторы добавили красноармейца на постамент, и сразу антагонизм перешел в агонизм, и, как оказалось, это сработало. На самом деле, действительно, открытый конфликт угас. А вот в Омске официальный памятник Колчаку из-за конфликта так и не удалось установить. Вместо этого альтернативный памятник был установлен по частной инициативе на стене частного же ресторана. Он регулярно становится жертвой актов вандализма.

Хочу привести последний пример. Это кейс, к которому я приложил руку. Мне довелось участвовать в выборе между стратегиями агонизма и антагонизма в отношении одного из первых памятников Первой мировой войне в год, когда мы отмечали 100-летие ее начала. Это было в городе Гусеве (ранее — Гумбинен) в Калининградской области, где состоялось первое для России сражение в Первой мировой войне. Там проводились массовые мероприятия. К этой дате в Гусеве появились сразу два памятника, посвященные этому событию. Первый был заказан скульптору Суровцеву и установлен властями: русский солдат со штыком наперевес бежит в атаку, называется «Штыковая атака». На постаменте цитата из стихотворения «Наступление» (1914) участника тех событий Николая Гумилева про нашу победу над врагом:

Словно молоты громовые
Или волны гневных морей,
Золотое сердце России
Мерно бьется в груди моей.

И так сладко рядить Победу,
Словно девушку, в жемчуга,
Проходя по дымному следу
Отступающего врага.

На лицевой стороне постамента — карта, где нарисована линия фронта. Если я спрошу, антагонизм это или агонизм, не надо методику Александра Ивановича применять. Наверное, все-таки если явно присутствуют слова «враг», «атака», «фронт» и тому подобные, то противостояние доминирует в номинации этого памятника.

Мне удалось поучаствовать в установке другого памятника в том же городе тому же событию и, собственно, сформировать заказ скульптору Михаилу Шемякину. Это был частный заказ, частный памятник на открытой территории. Вокруг него на частные же деньги был разбит общественный парк. Название памятника и задание на проектирование были придуманы нашей группой: «Памяти забытой войны, изменившей ход истории». Название написано на постаменте. Вы видите некое колесо судьбы, на котором тело то ли солдата, то ли мужчины, крутящееся на этом колесе, молодая женщина и пожилая женщина, оплакивающие его, и дальше сцены из событий Первой мировой войны, которые выгравированы на постаменте.

И тот и другой памятники в один и тот же день открывал Министр культуры Мединский. Вопрос, который я обычно задаю аудитории, я вам задавать не буду. Можно ли считать наш памятник агонистическим? По крайней мере, такие мотивации у нас присутствовали. Я не уверен, что получилось, но совершенно точно его нельзя назвать антагонистическим.

С учетом приведенных примеров, интересно, задавался ли вопросом о значении и возможном исходе символических стратегий агонизма или антагонизма Министр В. Р. Мединский. Ведь именно он призывал к агонизму при открытии вызвавшей конфликт доски Маннергейму, и он же открывал оба памятника в Гусеве. Я еще раз призываю к анализу того, что имели в виду те, кто устанавливают такие вещи, поскольку в мире сейчас активизировалась война монументов как методика ведения международной и внутренней когнитивной борьбы. Поэтому точно стоит внимательно анализировать, к чему могут вести интенции той или другой стороны.

Мы солидаризируемся с Денисом Эдуардовичем Летняковым, который говорит о том, что в принципе мемориальные конфликты — это не плохо: «...Историческую память общества нужно представлять не в виде единого, непротиворечивого нарратива, но как совокупность нарративов, постоянно оспаривающих друг друга. С этой точки зрения мемориальные конфликты, споры вокруг трактовок тех или иных исторических событий, концепции преподавания истории, сноса/установки монументов представляются естественной частью дискуссий, которые идут в публичной сфере любого демократического общества. Поэтому в „переписывании“ истории нужно видеть не покушение на национальные основы, а нормальный процесс пересмотра обществом представлений о самом себе, который может происходить в силу поколенческих сдвигов, идеологических трансформаций, роста культурного разнообразия и т. д.» [3, с. 120]. И далее: «...Мемориальные конфликты и дискуссии оказывают на общество не разрушительное, но созидательное воздействие только тогда, когда они не превращаются в игру с нулевой суммой. Важно, чтобы противостояние происходило *внутри* общего символического пространства, а дискуссии велись по поводу общенационального прошлого» [там же, с. 122].

Здоровое окончание такого конфликта связано с тем, чтобы эти мемориальные конфликты шли в единой канве общей истории, общего понимания истории. Если это происходит так, то это здоровое состояние общества, бороться против этого, видимо, не всегда нужно, если только это не доводит до деструктивности.

Литература

1. *Аксенов К. Э.* Пространственные факторы конфликтогенности в использовании городского символического геополитического капитала в России // Известия Российской академии наук. Серия: Географическая. 2024. Т. 88. № 5. С. 804–819.
2. *Кучеров А.* Кавалергарду не нашлось места у стенки // Коммерсантъ. 17.06.2024 [Электронный ресурс]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/6772848 (дата обращения: 07.10.2025).
3. *Летняков Д. Э.* Режимы исторической памяти: от гегемонизма к агонизму // Политика и общество. 2022. № 1. С. 115–125.
4. Памятник Ермаку в Тюмени: история одного конфликта // pravda.ru. 14.02.2005 [Электронный ресурс]. URL: https://www.pravda.ru/culture/36646-ermak/ (дата обращения: 10.03.2023).
5. *Статьев И. А.* История поругания Поклонного креста «Ермаку Василию Тимофеевичу с товарищи» в Тюмени // Русская народная линия. 2013. 10 июля [Электронный ресурс]. URL: https://ruskline.ru/analitika/2013/07/10/istoriya_poruganiya_poklonnogo_kresta_ermaku_vasiliyu_timofeevichu_s_tovariwi_v_ tyumeni/ (дата обращения: 10.03.2023).

13. Деформация исторической памяти как инструмент информационно-психологической войны

О. С. Дейнека

Речь пойдет об одном из инструментов когнитивной и ментальной войны. Потому что на нашем собрании говорилось об информационно-психологической войне, но когда речь идет о направленном деструктивном воздействии на ценности и смыслы, мы уже говорим о когнитивной войне, а когда о посягательстве на цивилизацию, то здесь уже — о так называемой «ментальной войне». Поэтому, и еще в связи с тем, что нынешний год посвящен памяти о нашей Великой Победе во Второй мировой войне, которая стала Отечественной, грех было бы не затронуть эту тему.

Во-первых, Александр Иванович Юрьев, опираясь на В. А. Ганзена, конечно, и Л. М. Веккера, говорил, что память — это стержень интеллекта, равно как и внимание. И когда разрушается память, разрушается личность, а я бы перенесла это еще и на общество, потому что общество действительно болеет, когда не все в порядке с его памятью. И сегодня звучали слова, такие как «социальные эпидемии», при потере социумом своей памяти просится подобный медицинский диагноз.

И вот две цитаты к месту. Василий Иванович Белов — прекрасный северный писатель — пишет: «Шагнуть вперед можно лишь тогда, когда нога отталкивается от чего-то, движение от ничего или из ничего невозможно», — т. е. о том, что без прошлого нет будущего, ведь от чего-то нужно оттолкнуться. А Александр Иванович говорил, что без будущего нет настоящего. Прекрасно выстроена картина.

Чингиз Айтматов, которым я просто зачитывалась в детстве, писал в романе «И дольше века длится день» (другое название «Буранный полустанок») о том, как применялась вросшая в кожу головы верблюжья шкура, которая делала из человека-раба зомби, и он потом терял долговременную память и становился способен убить свою мать, пытающуюся вернуть ему связь с семьей, с корнями. Слова писателя: «Манкурт не знал, кто он, откуда родом-племенем, не ведал своего имени, не помнил детства, отца и матери — одним словом, манкурт не осознавал себя человеческим существом». Вот это яркий пример действительно уже информации социальной, общественной.

В качестве определения исторической памяти я выбрала определение из диссертации Т. П. Путятиной: «Историческая память — это способность общественных субъектов сохранять и передавать из поколения в поколение знания о произошедших исторических событиях, об исторических деятелях ушедших эпох, о национальных героях и вероотступниках, о традициях и коллективном опыте освоения социального и природного мира, об этапах, которые прошел тот или иной этнос, нация, народ в своем развитии»[1]. В нем содержатся все компоненты исторической памяти — это и факты, и события, и личности, и традиции.

В последнее время мы видим посягательства на историческую память, ее деформацию, фальсификацию интерпретации событий и фактов, дегероизацию победителей. Возмущению не было предела, когда недавние медийные события, связанные с празднованием важных исторических дат, все время выносили Россию куда-то за скобки. Так, отмечая 80 лет освобождения лагеря Освенцим, Россию организаторы не пригласили, хотя именно Красная армия освобождала заключенных концлагеря. Другое событие — встреча на Эльбе. Ну как же так? Как говорится, «для танго нужны двое». Тут-то эти двое — это две страны-союзницы, они встречались на Эльбе. Ну при чем тут французы или представители Германии? Это было бы совсем печально, если бы не чувство юмора, которым обладает наше население, а то действительно, такая горькая историческая обида накапливалась бы (но она так и накапливается, чуть позже об этом). Ну и, наконец, Трамп сказал, что, оказывается, США — победители во Второй мировой войне, а не мы. И это тоже все наверняка заметили, и не только журналисты.

И дальше можно много говорить о тех манипулятивных технологиях, которыми пользуются, чтобы лишить наше общество своей исторической памяти, но я здесь приведу простой пример упражнения «испорченный телефон», которым пользуются в социально-психологическом тренинге, потому что когда речь идет о политической информации, то тоже происходят, как в этом групповом упражнении, и выпадение, или утрата информации (применительно к исторической памяти это превращается в сокрытие), и ее деформация, искажение, и привнесение своей информации, другой по смыслу. И тогда не удивительно, что когда опрашивают европейцев, кто устанавливал флаг на Рейхстаге, они не знают или гово-

[1] *Путятина Т. П.* Формирование исторического сознания школьной молодежи в условиях трансформации российского общества : автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2007. 23 с.

рят, что это были американцы. Ведь привнесение информации способствует искажению, фальсификации, и все это тогда легко воплощается в манипуляции. Александр Иванович Юрьев прекрасно раскладывал эти компоненты и этапы управления информацией в политическом управлении, писал об объективности, системности, организованности, достаточности, ясности, конкретности и практичности политической информации (1992), давал рекомендации для того, чтобы информация правильно доносилась до гражданина.

Если говорить о факторах и причинах фальсификации информации, в частности о Великой Отечественной войне, то вот первая группа — это геополитическое соперничество, потому что идет психоисторическая война (вид когнитивной войны), и о ней одними из первых писали Юлия Валерьевна Ковалева и Вячеслав Александрович Соснин из ИП РАН, а затем и другие авторы подхватили это название войны как части когнитивных войн. И конкретные инструменты — это, конечно, риторика, которую мы все время слышим, также это борьба с памятниками, которую я бы все-таки рассматривала не только как целенаправленное истребление культуры, например на украинской территории, а это еще и психологический защитный механизм. Образно скажу: раз морду кому-то набить нельзя, тогда нарисую на его двери какую-то гадость. Вот так и получается: если проигрываю в войне, то буду уничтожать памятники и изводить русскую культуру. В психологии это называется «защитный механизм замещения».

Вторая группа — это идеологические и политические факторы. Это, конечно, доминирование либерального дискурса, о котором я подробно рассказывала на Ананьевских чтениях, и, думаю, включим в учебник. Это, конечно, политическая культура, потому что нужно как-то оправдать дистанцирование от России. Россия действительно вас спасла от фашизма, Россия дала возможность объединиться Германии. И все это теперь надо перечеркнуть? Ну тогда, действительно, будем все это обнулять. Еще это формирование новой идентичности. Молодые «недогосударства» что-то должны были придумывать для своей идентичности. Они, на примере Украины, придумали себе национальных героев, которые совершенно не победители, а, наоборот, предатели.

Третья группа — это социально-культурные факторы, изменения восприятия прошлого, которые происходят у нас, переоценка исторических событий, популяризация альтернативных взглядов, когда речь идет о спорах, о книгах, о государствах. Ставят разные акценты политические партии и представители разных элит. Растет конкуренция исторических

нарративов, что проявляется в новом прочтении каких-то исторических событий, в частности в Великой Отечественной войне. Мы помним, как мы болезненно воспринимали книжки, в частности Суворова — но только не замечательного русского генералиссимуса Александра Васильевича, а автора 1990-х Виктора Богдановича Резуна, взявшего псевдоним Суворов, ревизиониста, подтасовщика фактов, тексты которого опошляли Великую Отечественную войну.

Четвертая группа — это экономические и медийные факторы, куда без них, ведь речь идет о коммерциализации истории — она анализируется, но как? Ведь что-то такое эпатажное быстрее купят, кто бы сомневался, значит, нужно что-то эффектное, хотя и перевернутое по отношению к объективным фактам. Также свой не всегда благовидный вклад вносит политика крупных платформ.

Можно было бы еще рассказать и, может быть в другой раз, об эмоциональном фоне, который приведенные мною исторические инсинуации и деформации порождают, а он (эмоциональный фон восприятия информации), в свою очередь, раскачивает психологическое состояние граждан, о котором, кстати, заботился Александр Иванович Юрьев (речь идет о состоянии народа).

И обида, и вина — это те эмоции, которые, накапливаясь, вызывают психосоматические реакции как минимум у личности, но также у группы и общества, т. е. общество тоже болеет. Мне кажется, что нам обязательно нужно хорошо работать с контраргументацией в ответ на когнитивные манипуляции. Начиная с детского сада и включая студентов высших учебных заведений, учить правильной коммуникации офлайн и онлайн, в физической и цифровой среде, потому что иначе люди носят эту обиду и неоправданную навязанную вину, что вызывает потребность пассивным или активным способом снизить их воздействие. Выровнять баланс, когда эти эмоции накапливаются, можно и конструктивными, и, к сожалению, деструктивными действиями. И это психологи понимают.

Спасибо за внимание.

14. Механизмы стабилизации массового политического сознания в периоды когнитивных и гибридных войн

К. Б. Джгамадзе

Очень рада, что пригласили поучаствовать. Мне кажется, это важно, когда мы с сообществом собираемся, обсуждаем тему политической психологии. Специальность 19.00.12 «Политическая психология» у нас закрылась, к сожалению, на факультете политологии МГУ. Но запрос на политических психологов явно есть. От нас ждут какую-то, например экспертную, оценку тому, что происходит. В своей работе, общаясь с заказчиками, понимаю, что не хватает какой-то методологической интерпретации и психологической оценки того, как современные россияне вообще себя ощущают.

Размышляя на тему, почему наше российское общество сохраняет какую-то стабильность, а мы в своих данных ВЦИОМ видим, что, несмотря на то что социальное самочувствие «просело» за последний год, оно все равно остается на достаточно высоком уровне и сопоставимо с данными, например, десятилетней давности, — на мой взгляд, тот механизм, который помогает россиянам выстоять в это непростое время, — это как раз такая особая российская идентичность. И дальше я привожу различные социальные индикаторы — измеримые социологическим инструментарием понятия, которые мы можем замерить своими методами, отследить какую-то динамику и на этой основе сделать вывод. И как раз вот эта многокомпонентная российская идентичность (опять-таки, привожу не все ее компоненты, а наиболее яркие, показательные, по которым видна динамика по цифрам, чтобы было наглядно) выступает неким опорным каркасом общества и удерживает нас, как предыдущий оратор говорил, от деструктивных проявлений.

Потому что, например, когда начиналась СВО, было очень много негативных прогнозов, говорили, пугали население. Но, как мы видим, наоборот, ситуация в каких-то сферах и областях стала даже лучше. Значит, один из компонентов российской идентичности — это те эмоции, которые люди проявляют в отношении своей страны. И за последние годы, как мы видим по данным, гордость — это ключевая эмоция при

восприятии своей страны, и она только усиливается. За год, например с 2023 по 2024 г., произошло усиление на 10 пунктов.

Следующий социальный индикатор, на который хотела бы обратить внимание, — это самоидентификация наших жителей. 46% считают себя гражданами России. Грубо говоря, это половина населения, и этот процент тоже укрепляется, что достаточно показательно. Также за последние 10 лет мы наблюдаем самый высокий уровень рефлексируемого народного единства.

То есть переломный момент как раз был в 2022 г. — понятно, с чем это связано? И по состоянию на 2024 г. уже 61% считают, что все-таки для российского общества характерно народное единство.

Следующий социальный индикатор — это наши любимые ценности, традиционные российские ценности. Мне кажется, сейчас вообще нет исследователей, которые ими не занимаются. Мы, разумеется, тоже держим руку на пульсе. И в рамках разных подходов к тому, как замерить эти ценности, у нас есть открытый вопрос: какие ценности вы бы назвали традиционными российскими ценностями? На слайде (рис. 12) привожу топ-8 традиционных российских ценностей.

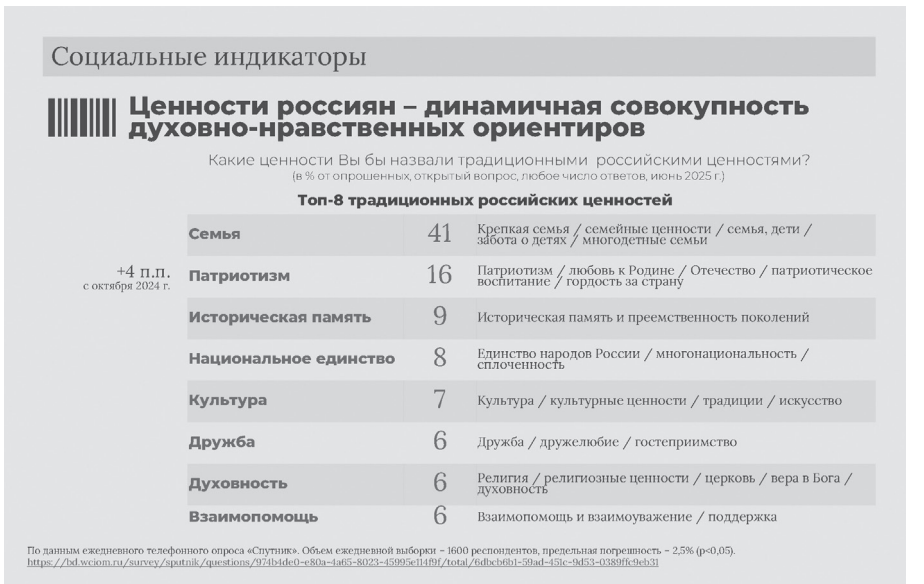

Рис. 12

Мне кажется, абсолютно во многих исследованиях вижу, что семья стоит на первом месте, здесь у нас тоже на первом месте, и за последний год ценность патриотизма возросла на четыре процентных пункта. Для общероссийской выборки динамика уже такая показательная, потому что остальные ценности в рамках погрешности, там один — два процентных пункта.

На следующем слайде (рис. 13) специально подсветила три ценности: национальное единство, дружба и взаимопомощь. Вроде бы ценности разные, как такие смысловые конструкты, но они имеют общее семантическое ядро. То есть все эти три группы ценностей описывают снижение межгрупповой дистанции и готовность к кооперации, только с разным прицелом: от большинства (это национальное единство) — к повседневному опыту (это дружба и взаимопомощь). Если суммировать, то получается, что этот ценностный кластер уже составляет 20% и выходит, по сути, на второе место, т. е. семья, единство с дружбой и взаимопомощью, да и дальше уже патриотизм — это топ-3.

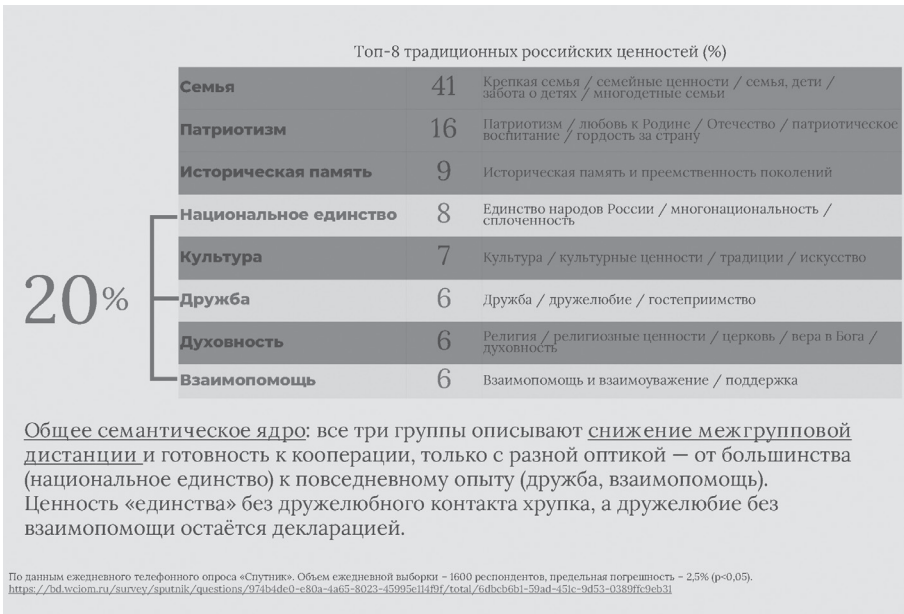

Рис. 13

Следующий специальный индикатор — это ритуально-символическое пространство, оно укрепляется и находит достаточно высокий отклик в российском обществе (рис. 14). Опять-таки все подкрепляя нашими исследованиями, мы проводили опрос и родителей, и учащихся. 88% родителей положительно оценивают церемонию поднятия флага, которая была введена в нашей стране в 2022 г. Среди учащихся этот процент даже выше — 90%. Также с левой стороны привела данные по оценке государственной символики России. Здесь, конечно, тоже показатели высокие. Больше всего гордость и восхищение испытывают, слушая государственный гимн.

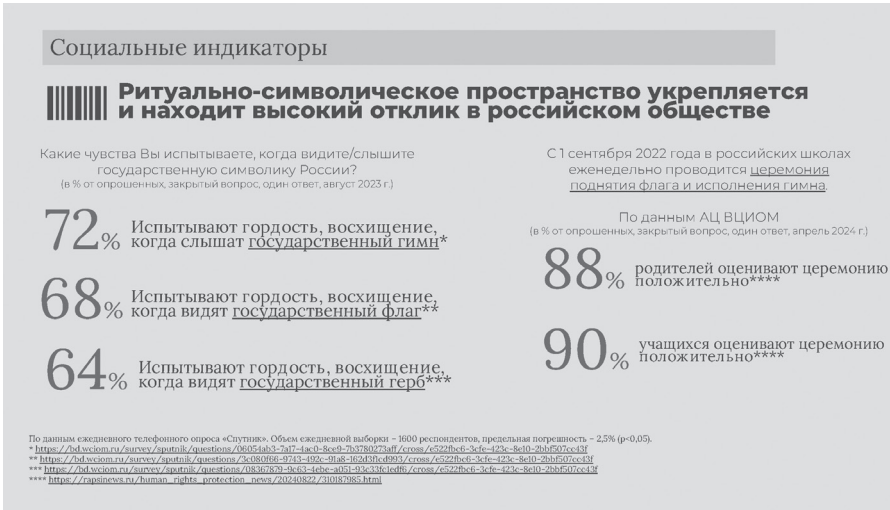

Рис. 14

В качестве социального индикатора можно рассматривать образ будущего. И образ будущего у нас всегда идет в такой связке. Это великая страна и благоустроенная страна. Данные привела свежие, июнь 2025 г., но динамика на самом деле относительно последнего года от замера к замеру незначительная (рис. 15).

Коммуникационный фактор. Россияне опираются на официальные источники информации. Например, 51% доверяют именно центральному телевидению и вдвое меньше доверяют мессенджерам. А что касается национального мессенджера, к идее его создания положительно отнеслись 64%, т. е. поддерживают эту идею.

Рис. 15

И последний индикатор, о котором хотела сказать. Мы на сегодняшний момент фиксируем довольно низкий уровень миграционных настроений, т. е. люди ориентируются на свою страну, они не готовы уезжать за границу на постоянное место жительства.

В завершение хочу отметить, что идентичность — это некий ресурс, резильентность россиян. Под резильентностью (от англ. resilience — устойчивость, упругость, способность к восстановлению) понимается способность индивидов и сообществ эффективно адаптироваться к стрессовым ситуациям и сохранять эмоциональное благополучие, что для нас сейчас очень актуально. Национально-государственная идентичность как раз помогает россиянам, защищает политическое массовое сознание от внешнего воздействия. И я надеюсь, что благодаря этому наша политическая система сохраняет стабильность, и, как мы видим, мы преодолеваем те вызовы, которые стоят перед Россией.

У меня, конечно, тут еще были интересные данные, но, раз времени нет, на этом буду заканчивать. Спасибо, коллеги.

15. Технологии вербовки в условиях когнитивных войн

О. В. Попова

Коллеги, спасибо за возможность выступить на семинаре. Я постараюсь быть предельно краткой.

Сегодня в одном из докладов прозвучало, что Россия не явилась на когнитивную войну. В конце марта этого года я участвовала в интересной конференции, организованной обществом «Знание» Краснодарского края. Довелось достаточно обстоятельно поговорить с нашим замечательным коллегой, доктором политических наук Андреем Викторовичем Манойло, который, вообще говоря, является полковником ФСБ (как он сказал, бывшим сотрудником ФСБ, хотя убеждена, что бывших сотрудников не бывает). Он высказал свою оценку по поводу когнитивной войны, которая звучит гораздо более жестко. По его мнению, Россия пока проигрывает когнитивную войну; мы вынуждены отвечать на очень серьезные и опасные разработки, целые кампании. Кроме предупреждений на уровне массовых информационных сообщений, у нас, по большому счету, пока нет серьезных инструментов, которые могли бы защитить мозги наших сограждан.

Цель когнитивной войны — разрушение или искажение мировоззрения, моральных, ценностных установок на основе явного или неявного принуждения к противоправным действиям. Когнитивные войны широко используют информационные технологии, противоборство перемещается из материальной/предметной сферы в виртуальную, информационную и когнитивную области. Если в войнах старого типа ответом на вопрос «кто побеждает?» было изменение линии фронта, то ныне говорить о победе в когнитивной войне можно лишь в том случае, если удается управлять (в буквальном смысле) элитой вражеского государства и принуждать к определенным действиям население вне зависимости от того, разделяют ли они идеологию противоположной стороны. Одно из базовых условий обеспечения национальной безопасности государства в условиях когнитивных войн — эффективное владение информационно-психологическим оружием и средствами защиты от него не только специалистами.

Когнитивная война предполагает «взлом» личности с использованием различных уязвимостей человеческого мозга, нанесение вреда обществу,

а не только военным противникам. Она фокусируется на том, как аудитория думает и реагирует на внешние раздражители. Важная особенность когнитивной войны — она может вестись без объявления, скрытно через Интернет с помощью различных гаджетов.

Когнитивные войны начались не пять и не 10 лет назад, они ведутся десятилетиями. Сейчас изменилась цель вербовки людей. С начала СВО вместо цели долгосрочных скрытых наблюдений, выяснений, длительного периода сбора информации приходит задача заставить людей проводить теракты. Очень часто завербованных людей используют просто в качестве одноразовых агентов, которые в действительности не получат никаких преференций.

Должна напомнить, что в 2022 г., в первые четыре месяца СВО, когда люди психологически еще не адаптировались к новым условиям, некоторые прекрасно говорящие на русском языке и находящиеся за рубежом персоны открыто на ныне не запрещенном, но замедленном YouTube призывали разочаровавшихся в своих идеалах людей уйти из жизни красиво, пожертвовать собой с пользой, совершив теракт на территории России.

Сегодня уже упоминалась трагическая гибель Дарьи Дугиной и военкора-пропагандиста Владлена Татарского. В 2025 г. у нас на слуху многочисленные сообщения официальных каналов о задержании силами ФСБ граждан Российской Федерации самых разных возрастов, которые собирались или предпринимали попытки совершать теракты.

Следует признать, что жертвами становятся и интеллектуалы, образованные люди, отнюдь не самые пожилые. Приведу только два примера. В декабре 2024 г. наш коллега, кандидат политических наук, доцент Курского университета, 44-летний преподаватель, поджег автомобиль полицейских в центре города по требованию мошенников в надежде вернуть 4 млн руб., которые он им отдал, в том числе взяв кредит. Со статьи «О порче госимущества» дело было быстро переквалифицировано в теракт. Чуть лучше разрешилась ситуация для сотрудницы Уральского отделения Российской академии наук, химика, доктора химических наук 50-летней Эмилии Носовой, которая во время голосования в марте 2024 г. попыталась облить зеленкой бюллетени. Причина — передача мошенникам 15 млн руб. Попытка испортить бюллетени — не эмоциональная реакция, а предложенное мошенниками (а фактически вербовщиками) действие, в обмен на которое ей обещали вернуть деньги. Этой женщине очень повезло: наказание — 15 суток за мелкое хулиганство. Эта женщина продолжает преподавать в УРФУ и работать в Академии наук.

11 февраля 2025 г. директор ФСБ А. В. Бортников заявил, что кураторы предотвращенных терактов на территории Российской Федерации — в основном украинские. В последние годы очень резко изменились основные технологии когнитивных войн. Что было раньше? Прежде всего ставку делали на НЛП, на искажение истории в опубликованных книгах, иллюстрированных журналах. Активно использовалась бульварная литература. Технологии НЛП никуда не ушли, но на сегодняшний день соотношение ненасильственных и насильственных действий в современной войне четко смещено в сторону последних; в новых условиях активной горячей фазы военного противостояния важны именно публичные преступления.

Эксперты говорят о трех основных используемых технологиях:

1) так называемая замещенная, или имплантированная, память, которая связана с некритическим восприятием реальности и тем, что обычно называют исторической памятью;

2) постправда, которая у нас на слуху, кажется, с 2017 г. Постправду обычно воспринимают как ключевую метафору для описания ситуации, когда люди в принятии решений руководствуются верой, основанной на эмоциях и субъективных убеждениях, а не на доказательном знании или критическом анализе источников информации;

3) ударный, тяжелый механизм — это использование «фейк-ньюс», альтернативных фактов. Самый тяжелый вариант — это использование дипфейков, ложной информации, которая синтезируется искусственным интеллектом, чаще всего в визуальных образах. Дипфейки начинают доминировать над достоверной информацией, способствуя формированию основ гнева, враждебности и насилия.

Какова схема вербовки? Нужно признать, что там очень важны игроки, а не только механизмы и этапы вербовки. Схема вербовки предполагает использование двух типов рекрутеров:

• онлайн-рекрутеры, которые присутствуют в различных сообществах в социальных сетях или мессенджерах и внимательно отслеживают комментарии и реакции участников группы;

• рекрутеры офлайн, которые умеют доверительно общаться, представляют собой достаточно яркие личности и неожиданно всплывают в ближнем круге общения потенциальной жертвы.

Основным каналом остается все-таки коммуникация онлайн.

Хочу обратить внимание на то, что юристы вводят термин «кибервиктимность» с выделением определенных социально-демографических групп, которые с наибольшей вероятностью могут подвергаться вербовке.

Эксперты заявляют, что некоторые действия вербовки сохранились еще из арсенала ИГИЛ. Основной объект воздействия — женщины (женщины-вдовы, женщины с детьми, одинокие женщины, которые рассчитывают решить свои личные проблемы). Главные используемые рычаги влияния на них — эмоциональность и восприимчивость.

Второй объект влияния и вербовки — подростки. Мы помним золотое правило: если хочешь победить противника, воспитай его детей. Вербовщики очень серьезно работают над использованием механизмов, связанных с эксплуатацией тех категорий, на которые молодежь очень чувствительно, остро реагирует. Юношеский максимализм, амбиции, отсутствие у молодежи социального опыта, некоторая наивная вера в возможность мгновенного изменения мира, всеобщая справедливость, равенство, эгалитарность, благоденствие и так далее, и так далее — все это грамотно задействуется вербовщиками, которые, используя благородно звучащие идеи, превращают людей в приверженцев радикализма.

Третья группа (безотносительно возраста) — люди, которые, по их представлению, достойны очень высокого положения и всех благ, но при этом имеют низкий социальный статус. Эксплуатируется запрос на гиперкомпенсацию, повышение субъективного ощущения значимости. Про пожилых людей многое понятно. Убеждена, что далеко не всегда речь идет о снижении параметров критического мышления.

Мотивы. Основные мотивы, о которых говорят эксперты, — это страх, тщеславие, желание обогатиться, авантюризм, склонность к риску, общее недовольство. Могут срабатывать и негативные личностные черты характера человека, неоправданно высокие амбиции, различные глубинные фобии, страхи, обидчивость, мстительность, стремление расквитаться за прошлые обиды, даже если объект другой (он замещается). Специалисты используют понятие «вербовочная уязвимость», понимая под ним совокупность всех мотивов, которые подталкивают человека к предательству своей страны.

Я завершаю, пропуская многое. Остановлюсь еще только на двух тезисах.

В современных условиях у спецслужб вражеских государств очень мало возможностей создавать психологический портрет каждого нового конкретного кандидата на вербовку. Используются достаточно универсальные схемы, разрабатываются профили определенных категорий людей: те, кто готовы сотрудничать на морально-патриотической основе, готовы мстить конкретным персонам с замещением объекта мщения, ищут материальную выгоду, вынуждены сотрудничать из-за наличия на

них компромата, заинтересованные в приобретении особого положения в обществе, стремящиеся реализовать свои амбиции и т. д. Для каждой из этих групп есть свой разработанный сценарий вербовки.

И в конце выступления самое, на мой взгляд, важное — проблема, решить которую могут, кажется, только психологи. Почему? Парадоксально, но откровенные враги нашего государства, вербовщики, и активисты гражданского общества, те структуры, которые представляют социум, используют один и тот же механизм; они заинтересованы в высоких показателях межличностного доверия. Как можно разрешить это противоречие, этот конфликт — совершенно непонятно. Но мы точно знаем, что если превращаемся в атомизированное общество, когда люди закрыты и не доверяют друг другу, с тем чтобы избежать опасностей, связанных, в частности, с вербовкой в рамках когнитивной войны, мы одновременно создаем очень большие риски и для нашего будущего общества.

Все, спасибо большое.

М. В. Катышев: Ольга Валентиновна, вы сделали достаточно большое исследование и затронули очень чувствительную тему вербовки. Мало кто понимает вообще в технологии спецслужб и мало кто ее афиширует в публичном плане. Я увидел здесь самое практичное, что можно вообще сделать, исходя из сегодняшнего круглого стола, — это, начиная со школы, провести профилактические мероприятия именно по этой теме. Подготовить психологов, политических психологов для каждой категории, может быть, с первого класса по выпускной. Но это профилактическое мероприятие сыграет на сегодня, наверное, самую правильную роль, потому что те детишки, которые затуманены этой пропагандой, они практически не понимают, что делают. А это в свое время идет как последствия, родители начинают вставать в оппозицию к власти, и, соответственно, мы понимаем, что чем больше таких проявлений, тем большее количество наших граждан переходит, будем говорить так, в противоположный лагерь. Спасибо.

16. Когнитивные угрозы: вызовы и противодействие

А. В. Забарин

Отдавая дань памяти Александра Ивановича Юрьева, хочется вспомнить о том, как он подходил к взращиванию новых специалистов. Всякий раз, встречая меня как нового аспиранта в университете, он спрашивал: вот там книжка новая вышла, ты ее уже читал? Вот это вопрос, адресованный аспиранту: ты успеваешь отслеживать то, что имеет отношение к выбранной тобой специальности? Если нет, то зачем ты пришел в аспирантуру? И насколько вот сейчас, наблюдая ситуацию изнутри, которая сложилась в высшем образовании, мы видим, как все меняется.

Мы часто начинаем использовать какую-то новую терминологию, не соотнося ее с уже имеющейся. Если есть когнитивная война, то она чем-то, по-видимому, должна отличаться от информационной, информационно-психологической, психологической, гибридной. Или это всё синонимы? Если идти от этимологии слова «когнитивный», то надо вспоминать базовую классику общей психологии: познавательную сферу, познавательные процессы. И заниматься научным изучением того, изменяется ли в процессе когнитивного удара противника чувствительность порогов, абсолютных, относительных, какие изменения происходят с точки зрения характера восприятия, внимания, памяти, мышления, воображения, как это все изменяется. И тогда не надо будет говорить на языке метафор, мы будем иметь вполне конкретное предметное поле. То есть результатом когнитивного воздействия является то, что Александр Иванович Юрьев называл картиной мира. Должны простроиться новые связи, отношения между объектами. В результате у человека должно сложиться собственное понимание. Когнитивная война с этой точки зрения — это и есть война за конкретное понимание той или иной ситуации.

Дабы не уводить вас в теоретические конструкции, давайте вспомним события, которые начались 24 февраля 2022 г. Среди освещающих эти события версий появилась та, которая утверждала, что есть агрессор под названием Российская Федерация, агрессор совершил нападение на беззащитную несчастную Украину, которая является жертвой; блок НАТО, США, Европа оказались в роли тех, кто поддерживает эту самую жертву; российская молодежь должна встать на правильный путь истории. И этот нарратив определенные источники начали разгонять в нашем информационном пространстве.

С точки зрения той идеологии, которая совсем недавно была у нас, отдельно взятый человек является субъектом, и он сам вправе решать, что для него правда, что ложь, какой точки зрения, какого понимания ему придерживаться. И негоже государству, а также любым иным инстанциям вмешиваться и создавать какую-то единую и правильную интерпретацию. Семён Сергеевич Уралов говорил сегодня о том, что никакой субъектности не существует. Но это крайняя позиция, по той причине, что мы как-то преуспеваем в своей жизни и на работе. Это говорит о том, что субъектами деятельности мы все же являемся, худобедно оцениваем адекватность информационных потоков и решения на их основе принимаем.

Обратным полюсом является утверждение о 100%-й субъектности. Это, между прочим, подход государственного образовательного стандарта, который говорит о том, что выпускник, даже школы, обязан грамотно ориентироваться в социально-политических процессах. А стало быть, любое якобы навязанное в ходе когнитивной войны гражданину понимание, то, на чем стоит собственно либеральная повестка, это все от лукавого, по той причине, что школа должна была его самого критично научить оценивать информационные потоки, выбирать правильный и принимать на этой основе решения. Но мы переходим еще и на следующий уровень, мы говорим, что целый вуз его обучал и тоже, соответственно, развивал эти самые компетенции. И в результате сегодня начинаем говорить о каких-то явных пробелах, которые обнаружились в этой подготовке. И с этой точки зрения задача исследователя — объяснить, что же недодали, почему же вот тот самый социальный институт, который называется «образование», на самых разных уровнях эту задачу формирования субъектности, а соответственно, устойчивости к враждебному информационно-психологическому воздействию эффективно не решает.

Можно вспомнить еще недавнюю историю с COVID-19, когда возникли самые разные версии, и отдельно взятые товарищи начали отказываться вакцинироваться, говоря о том, что прививки — это зло, потеря иммунитета, бесплодие, генные мутации и все прочее. Посмотрим на эту информацию, подаваемую серьезными умными дядями, часть которых были даже в белых халатах, глазами выпускника школы, который должен был научиться самостоятельно оценивать эту информацию и принимать решения. И первый вопрос, который возникает: какой уровень должна заложить школа, чтобы он понимал, соответствует эта информация реальности или нет? Но если выпускника школы недостаточно, то, может,

выпускника вуза достаточно, чтобы он разобрался в вирусологии? И тут не работает эта система.

А ведь эту ситуацию можно экстраполировать на все остальные сферы. Если это касается фондового рынка, а человек никогда к этому рынку отношения не имел, то он тоже в этом не разберется. Может, он в геополитике, экономике сможет разобраться на уровне эксперта, способного видеть обман и манипуляцию?

Среднестатистический человек оказывается профаном в этой ситуации. И появляются отдельные акторы, субъекты, которые пониманием этого профана начинают управлять. Ситуацией этой занимались с точки зрения обеспечения безопасности госслужащих, чиновников. Там это был момент принципиальный и важный. Относительно общества, социальных групп никто не беспокоился о том, что там и кто понимает. А сегодня становится очевидно, что понимание и картина мира гражданина — это тоже важнейший ресурс национальной безопасности.

Если критичности недостаточно, то что делать для обеспечения когнитивной безопасности граждан? Есть два подхода. Первый, который применяется на Западе: любой нарратив, который не вписывается в наш нарратив, является нарративом вражеским; поэтому, используя механизм искусственного интеллекта, попросту зачищаем все информационное пространство и даем свободу только нашим нарративам.

Второй подход говорит о том, что тотальная цензура контрпродуктивна и лучше использовать мягкие когнитивные технологии изменения идентичности, когда вроде бы мы обсуждаем будущее, спорим о прошлом, определяемся с союзниками и противниками, а между тем производим судьбоносные изменения в картине мира. Мы не нарушаем законодательство, но качественно меняем понимание. Эти технологии, безусловно, требуют самого пристального изучения.

Спасибо за внимание.

17. Роль политического психолога в настройке отношений между властью и обществом: мечты и реальность

А. В. Ершов

Мой доклад — это крик души человека, у которого в последние годы полное ощущение, что мы с вами реально никому не нужны. То есть нас на эту когнитивную войну, по сути, не взяли. Вы меня поправьте, если я буду сгущать краски, — я немножко поною, а потом выйду на конкретное предложение.

Откуда это взялось? Давайте рассмотрим принципиальное различие между политическими психологами и политтехнологами. Что главное для технолога? Это победить, например на выборах, чтобы пришло большинство, проголосовало «за», а в последнее время — даже не пришло...

Что главное для нас? Чтобы это было по любви, даже если по расчету, но по-настоящему. Расцвет нашей профессии пришелся как раз на конец прошлого века, когда это солнце вручную поднимал Александр Иванович. И тогда действительно была борьба за сердца людей. Но потом постепенно все это вот так перевернулось. Нет, там есть конкурентная борьба, внутриэлитная, но это в основном борьба за сердца тех начальников, от которых зависит, пройдет он на выборы или нет. Политики это прекрасно понимают, поэтому мы им зачем?

Это при том, какая колоссальная работа проводится! Этот круглый стол показывает, сколько теоретических и практических наработок. Но критерием их применимости, а точнее критерием наличия воли к их применению, является то, что в глобальных государственных проектах их нет. Ближайший пример — национальный мессенджер «Макс». Там психолога точно не было, не то что политического. Ну как они додумались привлечь в качестве рекламного лица вот эту Инстасамку[1], известную провокационным имиджем и хитами с прямолинейной коммерческой риторикой, которая, помните, пела: «...За деньги — да»? Неужели они не понимали, что 95% тех, кто брезгливо относится к этому персонажу, точно так же будут относиться и к этому мессенджеру? Я специально ради интереса заглянул в магазин приложений посмотреть там коммен-

[1] Псевдоним российской блогерши и певицы Дарьи Зотеевой.

тарии — большинство категорически против. Может быть, это вражеская рука, но мы оцениваем сейчас не мастерство врагов — мне сейчас интересно: что мы делаем? Там было несколько звезд, но, простите, либо пятиклассники писали, либо, что называется, «не верю». А это сплошь и рядом. Тем более у нас сегодня все-таки тема «когнитивная война», и SMM — это одно из мощнейших орудий воздействия. Сплошь и рядом такое ощущение, что те, кто учат тех ребят, которые пишут комментарии, — либо дилетанты, либо диверсанты, либо достались нам от Пригожина (помните эти первые фабрики троллей?), и они мстят сейчас, чтобы их сообщения были либо максимально дебильными, либо вызывали смех.

Не могу не сказать про конкурс социальных архитекторов. Я не поленился, записался [на этот конкурс]. И что вы думаете? С первого же тестового задания у меня закралось подозрение, что и там либо дилетанты, либо враги. Но то, что там даже редактора не было, это точно. Потому что там первое задание — напишите эссе о себе любимом и о своих профессиональных достижениях. Дальше я процитирую (понимаю, насколько это сложно на слух, но оно стоит того): «...под главным профессиональным достижением подразумевается событие в профессиональной жизни, которое значительно повлияло на формирование ваших лидерских и управленческих компетенций». То есть оно еще только повлияло! Я пишу в техподдержку: «Уважаемые, извините, что отвлекаю, ведь нас миллионы... Но, может быть, это какой-то тест, чтобы вы сразу отсеяли тех, кто путает причины и следствия? Потому что главное достижение не может быть внизу, оно всегда как раз результат развития тех самых компетенций». Они надолго замолчали, но когда ответили, то лучше бы они не отвечали. Это был не последний мой вопрос.

При этом я отдаю должное, что там наверху, на федеральном уровне, есть гениальные идеологи и политтехнологи. Большинство знаю лично, как и вы, снимаю шляпу, но огранивать их бриллиантовые мысли должны совершенно другие специалисты. Иначе будет, как у Черномырдина: хотели как лучше, а получилось как всегда.

Летом мы обсуждали на канале «Россия 24» статью Александра Дмитриевича Харичева, кстати, нашего коллеги-психолога. Статья о том, что Россия — это цивилизация, и нам надо пестовать эти исконные наши российские качества, такие как справедливость, коллективизм, служение... Кто бы был против, но вопрос в методах. Потому что у нас до сих пор большинство политтехнологов (а я сам был политтехнологом в течение 30 лет, поэтому знаю, о чем говорю) — большинство

считают, что чем больше на стенах напишешь: «Все на выборы!», тем больше людей придет. А чем больше мы напишем: «Вперед, к победе справедливости!», то именно по этому адресу люди и пойдут. Но это так не работает, правильно?

Я этим же летом по случаю провел четыре фокус-группы в Оренбурге — картина прямо обратная тому, что у нас на экранах! Какой там коллективизм! Там все против всех, а «моя хата с краю». Какое там сопереживание в отсутствие той самой единой объединяющей цели, о которой говорил Михаил Михайлович [Решетников]! Все против всех, и тотальный пессимизм и негативизм. И если вдруг начинают ругаться, то это прямо калька с программы Владимира Соловьева. Ну, по крайней мере того периода, когда там мальчиков для битья подсовывали, помните, американца, поляка. Сейчас не знаю, давно не смотрел. Вот оттуда нам, политическим психологам, придется Россию вытаскивать! Потому что люди заболевают от такого телевидения. И индивидуально, и как общество. Поэтому с телевидением и продолжу.

Я уже выхожу из нытья, перехожу к конструктиву, но только помечу те моменты, в которых что-то понимаю. Потому что в 1990-х, как раз благодаря Александру Ивановичу Юрьеву, я пять лет работал на нашем ленинградском телевидении. Тренировал ведущих, но не это главное. Главное, что те аналитические записки по заказу руководства телевидения с покадровым разбором того, как психологически влияет, — они были обязательны для принятия во внимание всеми редакциями. Что мешает сейчас посадить там психологов, наших коллег? Чтобы они сразу говорили: «Ребята, то, что вы собираетесь выпустить, — вот это действительно ударит по врагам, а это — по своим ударит». Ну хотя бы тональность сменили! Вместо того чтобы соревноваться в эфире, кто померзостнее ругательства придумает в адрес тех, кто с тобой не согласен, перейдите к языку сочувствия, жалости, понимания.

Ольга Сергеевна Дейнека регулярно вспомнает дебаты Яковлева и Собчака. 30 лет прошло. Но это же был главный прием Владимира Анатольевича. Вместо того чтобы Собчаку сказать: «Сам дурак», — как сейчас это принято, он сказал: «Анатолий Александрович, дорогой, я вас как политика, вот честно, уважаю! Я бы так не смог, но по хозяйственным вопросам вам подсовывают всякую ерунду, вас просто подставляют. Мне искренне вас жалко». И со стороны симпатии были именно по отношению к нему. Потому что это по-человечески. От этого не заболеваешь. Это сохраняет здоровье общества, чего нам так не хватает от нашего телевидения. А то в порыве борьбы с врагами они в результате награж-

дают нас психологическими болезнями. Брали бы пример с Владимира Владимировича Путина в этом плане. Вот образец, как надо говорить о наших врагах: он называет их «партнерами». Вот один из лучших, наверное, учеников Александра Ивановича там наверху. Но он высоко, а если мы по ступеням спускаемся ниже до органов исполнительной власти, МСУ — там конь не валялся с точки зрения психологии вообще. В лучшем случае сверху, опять же, спущенные пропагандистские методички. Например, я в начале года встречаюсь со знакомым главой района и говорю: «Слушай, давай я тебе за копейки сделаю полный спектр в администрации — от тренинга тех, кто работает с людьми непосредственно (у тебя жалоб не будет), до психотерапевтической помощи тем, кто работает с семьями погибших на специальной военной операции». Он говорит: «Александр Викторович, я для тебя все что угодно, но денег на это нет ни в одной администрации, можешь даже и не идти туда». Вот и приплыли, что называется.

Поэтому конкретное предложение. Я прекрасно понимаю, если Инга Сергеевна, Инна Александровна, Ольга Сергеевна — если вы за это возьметесь, то вы горы свернете, с вашей энергией и мозгами. Что мешает на базе либо психфака, либо Президентской Академии создать центр, который по согласованию с властями займется тем, что в онлайн-режиме будет как минимум переводить на человеческий язык то, что власти пытаются говорить населению? Потому что сейчас это туши свет! Этот центр будет готовить людей, которые вступают в публичный диалог от имени власти. Причем все это не публично (нам не нужны слава и звезды).

Социальная реклама — это отдельная песня. Когда был мой последний приход в Смольный, я работал во внутриполитическом блоке, мне только в последние два месяца удалось добиться, чтобы вся социальная реклама Смольного шла через меня. Я за это не получал никаких надбавок. Просто было стыдно. Это какой-то детский сад, самодеятельность. Что сейчас? Опять, иду сюда по Каменноостровскому проспекту и вижу: «Любить...» или «Дружить по-русски», и девочка обнимает рукой медведя. Это такой ресурс пропадает — дайте его нам! В конце концов, свои бриллиантовые мысли спустите к нам сверху (справедливость и прочее, что я перечислил из доктрины) — мы по крайней мере сделаем так, что не будет обратного эффекта.

Много чего еще можно делать. Но главное — не опоздать, не дотянуть до того, что власть и общество настолько разойдутся по информационным пространствам, что уже не будет крючков, их сцепляющих.

Никогда не забуду 1987 г.: я только из армии пришел, колхозные поля, Александр Иванович в высоких сапогах... И вот он нам страшилки толкает про то, что «погодите, скоро будут митинги, демонстрации...».

Вот как сейчас нам не хватает его прогнозов. Но, увы, уже поздно. Теперь сами. Светлая ему память! И спасибо за внимание. Извините, если кого обидел.

И. С. Бурикова: Нас должны по Центру экспертиз услышать именно принимающие решения, потому что телевизионные каналы сейчас как исполнители, они думают, что делают благое дело. Слушатели на разных политических курсах подходят и спрашивают: а вот эти ведущие программ — они знают, что вызывают у нас обратные, отрицательные чувства? Это как в 1917 г.: глупость или измена? Вот это надо выбирать.

Я очень рассчитываю, что наши встречи и беседы не просто памятные, не просто обмен такими интересными концепциями, разработками, а мы перейдем к содержательным проектам, реализующим политическую психологию на практике. Есть проблема в том, что и как слышат люди, обладающие политической волей, но они хотя бы пытаются слушать.

И, дай бог, мы все-таки достучимся. Александр Иванович, конечно, в этом плане уникальный человек, который имел такой вес, которого слушали, слышали. Когда наш Президент начал речь на Валдае, мне показалось, что эту речь писал Александр Иванович. По первым строкам. То есть это даже термины, вот как продолжить эту реальность — это было поразительно. Да, у нас пока один спикер — Президент, один политинформатор, один комиссар, но мы можем обучать коммуникаторов и спикеров, тех, кто сможет разъяснять, что происходит как вовне, так и внутри страны.

18. Когнитивный щит: коммуникативные стратегии поддержки жертв финансового мошенничества в кредитных организациях

О. В. Медяник

Уважаемые коллеги! Знаете, сижу здесь уже четвертый час, и в памяти всплывают яркие картины моих студенческих лет на кафедре политической психологии факультета психологии СПбГУ. С какой нежностью я вспоминаю Александра Ивановича и наш интересный курс! Некоторые наши однокурсники присутствуют сегодня здесь. Сегодня здесь Александр Викторович Ершов, который вел занятия, на которых учил нас, как политикам правильно позиционировать себя в эфире. Позвольте мне сделать такое личное отступление. Все-таки мы сегодня отмечаем день рождения Александра Ивановича! И сегодня, слушая доклады, я хочу от всей души пожелать всем присутствующим: берегите себя! Потому что то, о чем мы говорим за этим круглым столом, — это действительно опасная миссия.

Сейчас я хотела бы перейти к основной части доклада. На протяжении последних трех лет моя жизнь связана с той проблемой, о которой здесь совершенно справедливо упоминали, — мы действительно упустили вопросы, связанные с финансовым мошенничеством. Обратите внимание на последнюю статистику: миллиарды рублей, миллиарды! Если судить по количеству случаев, здесь тоже невозможно все перечислить. Суммы варьируются от 3000 руб. до 15 млн с жертвы.

Сегодня я работаю в группе по противодействию преступлениям, совершаемым с использованием приемов социальной инженерии. В состав группы входят банкиры, психологи, представители Росфинмониторинга и Банка России. Основная нагрузка по решению этих вопросов сейчас ложится на Банк России. Знаете, что интересно — это подход к классификации жертв. Их разделяли просто по социальным слоям: пенсионеры, женщины-домохозяйки, средний возраст 44 года... Я говорю: «Слушайте, ваш портрет жертвы — 44 года, я старше. Получается, я должна сразу исключить себя из этой выборки и не быть бдительной и осторожной?» И возникает вопрос: для кого мы разрабатываем все эти меры защиты, эти когнитивные щиты, как мы сейчас говорим, все эти рекомендации, если считается, что внушаемые жертвы — это только определенные категории?

Мне пришлось обратиться к физиологу Ирине Ивановне Шошиной, которая работала у нас в институте Черниговской. Она подсказала мне очень важную вещь: внушаемость — это еще и образование, воспитание. Все это — внушение. Представьте себе: если убрать из нашего мозга способность к внушению — ту часть, которая за это отвечает, — мы лишимся важнейших механизмов восприятия и обработки информации. Речь идет о префронтальной коре, лимбической зоне, теории двух потоков — височных и теменном.

Вот факты, которые установлены физиологами: примерно 85% людей действительно обладают той или иной степенью внушаемости, оставшиеся 15% чуть менее внушаемы. Но это вовсе не означает, что на эти 15% невозможно воздействовать! Возьмем, например, так называемых рационалов. На них прекрасно работают другие инструменты: графики, цифры, статистика. То есть к каждому человеку все равно можно найти свой подход при желании.

Сегодня у физиологов существуют специальные методики, которые позволяют определить, к какой категории относится конкретный человек — к более внушаемым или к менее внушаемым. И это знание критически важно для разработки эффективных мер защиты от мошенничества. То есть существуют определенные предпосылки и паттерны уязвимостей, и мы можем говорить о них как о паттернах, которые реально можно включать в программы банков для персонализации защиты. Можно определить, насколько уязвим конкретный человек. Все эти инструменты уже доступны для практического применения.

В антифрод-системах сейчас выделяются два основных направления мошеннических воздействий: 1) «СБ» (служба безопасности), работает на страхе; 2) «Инвест» — игра на жадности, это инвесторы, крипта, инвестиции, все эти схемы, которые сейчас активно используются мошенниками. Оказывается, многие хотят стать миллионерами буквально на следующий день...

Кроме того, нами было проанализировано множество различных скриптов, предоставленных правоохранительными органами. Это именно те материалы, по которым обучают мошенников. Анализ показал, что их работа строится на трех уровнях воздействия:

1) *когнитивный*: управление мыслями жертвы, манипулирование ее сознанием и логикой принятия решений;

2) *эмоциональный*: здесь целенаправленно вызываются тревога, страх, паника. Это как раз та самая часть «эмоциональных качелей», о которых мы говорим. У меня есть методическое пособие с рекомендациями

для банковских сотрудников — «Общение с жертвами финансового мошенничества», где приведена подробная поэтапная расшифровка того, как именно мошенники встраивают свои схемы в эту систему воздействия;

3) *физиологический*: в этой фазе мошенники используют специально разработанные техники, чтобы полностью подчинить волю жертвы и превратить ее в послушного исполнителя. Мошенник целенаправленно отрезает жертву от внешних источников информации и здравого смысла. Человек оказывается в «туннельном зрении», информационном вакууме, где единственным источником является сам преступник. Любая попытка критики или вмешательства извне воспринимается как угроза. Мошенник обрушивает на жертву поток сложной технической информации: «безопасные» счета, номера, идентификаторы. Рабочая память человека может удерживать в среднем 7 ± 2 элемента, а здесь предъявляется более 15 различных данных. Происходит критический сбой в когнитивной обработке информации. Человек теряется, перестает понимать детали и впадает в состояние транса, готовый выполнять любые указания.

Результатом использования техник является трансформация жертвы в подобие биоробота, который беспрекословно следует инструкциям мошенника. Это не просто психологическое манипулирование, а целенаправленная нейробиологическая атака на механизмы принятия решений. Ключевой момент состоит в том, что жертва искренне верит в происходящее, не осознавая, что ею манипулируют. Мошенники используют биохимические процессы мозга, создавая иллюзию собственного осознанного выбора.

Вся эта технология рассчитана на комплексное воздействие — не только на психику, но и на физиологию человека. В определенный момент мошенники раскачивают психику жертвы, пугают ее, заставляя запускаться симпатическую нервную систему, что приводит к выделению гормонов стресса. Это классическая оборонительная реакция организма, механизм которой всем известен.

Особенно тревожит то, что наблюдаемые у мошенников сценарии — это уже не просто заученные скрипты, а продуманные стратегии. Сценарии, скорее всего, уже создаются искусственным интеллектом, потому что они постоянно меняются и не поддаются простому отслеживанию. Более того, во время разговора с потенциальной жертвой ИИ в режиме реального времени подсказывает мошеннику, что говорить и как реагировать на возражения. Понимаете, насколько далеко продвинулись технологии?

И практика «когнитивный щит» — это инструмент, который уже запущен во многих банках и антифрод-системах. По сути, это вторая линия защиты. Многие меры защиты сегодня основаны на рекомендациях о том, что людям обязательно нужен период охлаждения, необходим временной буфер, который позволит человеку прийти в нормальное состояние. Кстати, сама Великобритания — родоначальница многих подходов в этой области (мошенники, конечно, есть везде) — внедрила механизм. У них есть Behavioural Insights Team (по-нашему — официальные разработчики поведенческих инсайтов). Они предложили отсрочивать платежи на пять минут для тех потребителей, которые уже совершали ошибки ранее. Например, я сама могу настроить свои платежи так, чтобы они уходили через пять минут — а вдруг я ошиблась? Ведь при транзакциях присутствует очень много автоматизма, где может повлиять усталость человека, множество различных факторов. Поэтому временной буфер — это то, что критически важно на сегодняшний день.

С 1 ноября кредиты и займы от 50 тыс. до 200 тыс. руб. будут доступны для использования только через четыре часа после подписания договора потребительского кредита (займа) с клиентом, а свыше 200 тыс. руб. — через 48 часов. Пока действует период охлаждения, человек вправе отказаться от заемных денег. Такие правила установлены законом, который поможет защитить людей от оформления кредитов и займов под воздействием мошенников. На мой взгляд, это абсолютно правильная инициатива! По крайней мере мы получим реальный инструмент для снижения количества случаев мошенничества. Кстати, для тех, кому интересно: после того как у нас отключили голосовые сообщения в двух основных мессенджерах, количество успешных атак мошенников в некоторых регионах России снизилось почти на 80%! Представляете, как активно мошенники использовали эти мессенджеры? Многие не любят это решение, есть много вопросов. Но, по крайней мере, мы сохраняем на сегодняшний день деньги людей. Даже если это 10%, даже если это 20% — это жизни людей, которые, к сожалению, не всегда хорошо заканчиваются после того, как у них отняли деньги.

Теперь позвольте быстро пробежаться по технологиям, которые используют мошенники. Это важно знать. Они активно применяют нейролингвистическое программирование (НЛП). У нас в стране НЛП почему-то считается почти лженаукой, мы немного отошли от этого направления. Но мошенники используют его очень эффективно: языковые воздействия, вербальные техники — все это включено в их методички.

Вспомните, у нас когда-то существовала целая уличная преступная среда. Кто-то помнит уличных мошенников — тех, кто снимал кольца в метро, технические группы, работавшие на вокзалах. Они действовали на жертв полисенсорно: неразборчивая быстрая речь, использование пристального взгляда, манипулирование дистанцией. То же самое сейчас происходит в телефонных разговорах с мошенниками. Они тоже быстро говорят, даже специально ускоряют темп речи, манипулируют информационным потоком. Уличное мошенничество просто перешло в онлайн-формат, сохранив все свои приемы сенсорного воздействия. А телефонное мошенничество — это голосовые манипуляции с изменением интонации, использование специфических речевых кодировок.

Уважаемые коллеги, пожалуй, на этом мне придется завершить свое выступление. Но я всегда готова помочь советом, поделиться опытом, возможно, более подробно рассказать об этих методах на других совещаниях или консультациях.

Спасибо большое за внимание!

19. Роль социальных архитекторов в современных когнитивных войнах против России

И. А. Ветренко

В марте 2019 г., чуть больше чем за год до своей кончины, в беседе с Галиной Сергеевной Мельник, доктором политических наук, профессором СПбГУ, Александр Иванович Юрьев сказал следующее: «Новая политическая реальность не придумана, не открыта на кончике пера — она является практической производной от появления: а) новой философской реальности; б) новой моральной реальности; в) новой интеллектуальной реальности; г) новой финансовой реальности. Признаком новой политической реальности, порожденной этими грандиозными изменениями, является абсолютная новизна многих явлений в жизни масс людей. Почти все, что было создано в старой политической реальности, перестает „объяснять и работать“, как, например, появление Трампа в США и Макрона во Франции. Дальше будет больше. Пока все это не поддается пониманию из-за того, что уже идущие изменения представляются:

- необычными, потому что для них нет готовых „хороших“ ответов;
- недопустимыми из-за своей кажущейся противоестественности;
- внезапными, потому что происходят именно тогда, когда их не ждали;
- неожиданными, потому что оказываются совсем не такими, какими их предвидели.

Для того чтобы понять, что происходит в политике, нужна совместная работа ученых разных специальностей, изучающих политику или практически работающих в ней».

Фактически он говорил уже тогда о социальных архитекторах, которые появляются у нас сегодня. Действительно, если мы сами не будем проектировать социальные отношения, это сделают за нас, поэтому специалисты в этой области нам очень нужны.

Следует отметить, что социальные архитекторы — это те, кто должен в первую очередь заниматься социальным проектированием и социальным прогнозированием, а на уровне социального проектирования работать как с существующими проблемами, так и с ценностями. Миссия у них очень важная, но противопоставлять их политическим технологам и

утверждать, что у нас сейчас политические технологии не работают, а работают исключительно социальные технологии, было бы неверно. Поскольку в других странах до сих пор политические технологии эффективно функционируют, мы в любом случае столкнемся с их экспортом, а значит, на государственном уровне нужно заниматься и политическими, и социальными технологиями управления.

Сегодня сложилось уже несколько центров подготовки социальных архитекторов в образовании — МГИМО и МГУ. В двух указанных учебных заведениях реализуются магистерские программы, которые отличаются между собой по содержанию, поскольку транслируют разные подходы. Подход факультета политологии МГУ очень четко выразил Андрей Юрьевич Шутов, выступая на форуме будущих социальных архитекторов: «Социальная архитектура как способ профессионализации политологии». Второй подход метко охарактеризовал в своей речи на том же мероприятии первый заместитель главы Администрации Президента, куратор политблока Александр Дмитриевич Харичев: «Социальная архитектура — целенаправленная деятельность, которая меняет социальную реальность. Ее цель — сильная, современная, удобная для жизни, обеспечивающая равные возможности для граждан Россия».

Однако, делая акценты на разных содержательных моментах в образовании, все специалисты сходятся в том, что социальный архитектор должен обладать эмпатией и чувствовать запросы общества.

Нам представляется, что наиболее правильно рассматривать социальную архитектуру через призму межсекторного партнерства, т. е. как совместное творчество государства и общества.

Роль социальных архитекторов просматривается особенно значимой через призму тех когнитивных войн, которые ведутся сегодня против России; социальные архитекторы призваны создавать мосты через линии социальных разрывов, которые в обществе сейчас очевидны.

Формирование социальных смыслов — процесс сложный, и социальным архитекторам нужно владеть им в совершенстве; в этом смысле социальная архитектура как деятельность подразумевает очеловечивание и гуманизацию социальных процессов.

В следующем году у нас выборы в Государственную Думу; для первых социальных архитекторов это будет своего рода боевое крещение. В этой ситуации нужно не отделять, дифференцировать политтехнологов от соцархитекторов, а заниматься рекрутированием хороших специалистов из двух этих очень близких сфер либо растить по хорошо проработанным методикам конкурса социальных архитекторов новых профессионалов,

чтобы опять в поле думских выборов у нас не оказались шарлатаны, критиканы и иные жулики.

Когнитивные войны, которые сегодня ведутся при помощи такого оружия, как фейки, дипфейки и постправда, требуют очень качественных компетенций не только в области политики и управления, но и в области коммуникации и политической психологии, о которой мы сегодня говорим на круглом столе. Все это должно входить в область профессиональных знаний социального архитектора.

20. А. И. Юрьев о качестве информации и деструктивных политических эпидемиях

И. С. Бурикова

В условиях современной гиперкоммуникационной реальности информация перестала быть нейтральным ресурсом. Она стала активным агентом воздействия, способным формировать массовые психологические состояния, влиять на политическое поведение и дестабилизировать общественные системы. В этом контексте теоретическое наследие профессора Александра Ивановича Юрьева приобретает особую актуальность, предлагая системный ключ к пониманию природы так называемых *деструктивных политических эпидемий*.

1. Информация как «вирус»: от содержания к воздействию. А. И. Юрьев, развивая идеи А. Л. Каткова о социальных эпидемиях, совершил концептуальный переход. Он предложил рассматривать деструктивные информационные потоки не просто как набор ложных или вредных сведений, а как искусственно сконструированные информационные вирусы. Качество информации в его системе оценивается не столько по критериям истинности/ложности, сколько по ее функциональному воздействию на психические структуры человека. Такой «вирус» — это смысловая конструкция, обладающая специфическими свойствами:

1) эмоциональная заряженность (вызывает тревогу, неопределенность, гнев);

2) смысловая простота и образность, облегчающая тиражирование;

3) способность поражать конкретные психические функции (восприятие, мышление, память, волю, аффективную сферу), а не человека в целом.

Таким образом, качество информации с точки зрения ее деструктивного потенциала определяется ее способностью внедряться в когнитивные схемы, искажать их и запускать цепную реакцию сбоя в системе политического поведения.

2. Системно-функциональная модель поражения психики. А. И. Юрьев опирался на системное описание психики (развивая модель В. А. Ганзена), выделяя четыре ключевые подструктуры: индивид, субъект, личность и индивидуальность. Информационный вирус целенаправленно атакует одну или несколько из этих подструктур. Поражение субъекта ведет к снижению волевой регуляции, утрате целеполагания; поражение

мыслительных процессов — к утрате способности к критическому анализу, поиску альтернатив; поражение аффективной сферы — к росту тревожности, фрагментарности эмоциональных реакций. Это приводит не к тотальному «зомбированию», а к точечной дисфункции, которая, однако, в массовом масштабе порождает системный эффект: искажение картины политической реальности, снижение рациональности, рост массовых аффективных состояний (апатии, агрессии, деморализации).

3. Эпидемиологическая динамика: почему запреты не работают. Ключевой вывод А. И. Юрьева, имеющий прямое практическое значение, заключается в том, что *борьба с деструктивными политическими эпидемиями путем лишь запрета или фильтрации информации неэффективна и даже контрпродуктивна*, так как:

1) эпидемиологическая логика (источник — среда — восприимчивый организм) показывает, что запрет касается только «источника», но не устраняет «восприимчивость» населения и не меняет свойства «среды» (цифровых сетей);

2) информационный вирус обладает свойством самовоспроизводства в коллективном сознании. Даже при удалении первоисточника он продолжает жить в виде слухов, домыслов, эмоционально окрашенных интерпретаций;

3) ограничительные меры создают «смысловые вакуумы». При дефиците понятных позитивных смыслов и высоком уровне тревоги эти вакуумы молниеносно заполняются любыми доступными, часто еще более деструктивными интерпретациями.

Таким образом, деструктивные политические эпидемии — это симптом глубинного кризиса смыслов и психологической устойчивости, а не просто следствие внешней информационной атаки.

4. Стратегия противодействия: от обороны — к укреплению «информационного иммунитета». Исходя из предложенной модели деструктивных политических эпидемий, А. И. Юрьев заложил основы политико-психологической стратегии, смещающей фокус с пассивной обороны на активное укрепление общества. Эффективное противодействие должно быть трехкомпонентным:

1) «прививка» (вакцинация) — формирование базового информационного иммунитета через развитие критического мышления, медиаграмотности, понимания механизмов манипуляции. Это обучение навыкам распознавания «вируса» на уровне когнитивных процессов;

2) профилактика — укрепление глубинной психологической устойчивости личности: формирование позитивной идентичности, внутреннего

локуса контроля, жизненных целей и ресурсов для их достижения. Это работа с факторами восприимчивости, делающая человека невосприимчивым к деструктивному вирусу;

3) позитивная политическая эпидемия (смысловое наполнение) — активное создание и распространение конструктивной, эмоционально притягательной повестки, которая заполняет смысловое пространство. Это не борьба с ложью, а предложение более сильной, объединяющей и реалистичной альтернативы, формирующей «эпидемию» доверия, оптимизма и осмысленного действия.

Теоретическая модель А. И. Юрьева выводит проблему качества информации из плоскости технического контроля в плоскость политико-психологического проектирования устойчивости общества. Он показал, что деструктивная эпидемия — это системный сбой, коренящийся в уязвимости психических функций и смысловом голоде.

Следовательно, стратегия национальной безопасности в информационную эпоху должна включать не только системы киберзащиты, но и масштабные программы по развитию человеческого капитала нации, образовательные инициативы по когнитивной и психологической гигиене, постоянную работу по смыслообразованию и проектированию будущего. Такой комплексный подход, предложенный А. И. Юрьевым, позволяет не просто реагировать на угрозы, а формировать общество, обладающее врожденным *иммунитетом к деструктивным политическим эпидемиям*.

Аналитическая записка по результатам круглого стола памяти профессора А. И. Юрьева «Политическая психология и когнитивные войны»

6 октября 2025 г. в СЗИУ РАНХиГС состоялся круглый стол по политической психологии. Круглый стол приурочен к 36-летию политической психологии в России и посвящен памяти ее основателя — профессора А. И. Юрьева. Открыл мероприятие директор СЗИУ РАНХиГС А. Д. Хлутков, отметив в своем выступлении практическую актуальность заявленной темы когнитивных войн и угроз, в особенности с учетом геополитической обстановки в мире.

В результате работы круглого стола были сформулированы следующие важные замечания, предложения и рекомендации.

1. В современном мире «вредную» информацию можно и нужно ограничивать, работая по выявлению источников данной информации и запрету ее распространения.

2. Когнитивные угрозы повсеместны — от простой лжи и искажения информации до телефонного и финансового мошенничества, а также создания по НЛП-технологиям «биодронов» из людей, которых подвергли серьезному воздействию деструктивных когнитивных технологий.

3. В качестве профилактики необходимо повышать информационную грамотность населения — обучать работе с информацией, умению отличать качественную информацию от некачественной, истинную от ложной. Причем такая работа должна вестись уже в школе, когда молодежь наиболее восприимчива к любой информации в Интернете. Необходимо вовлекать и пожилых людей в цифровую грамотность, и все категории граждан.

4. Учебные материалы для такой глобальной программы цифрового и информационного ликбеза должны: 1) быть разработаны специалистами; 2) раскрывать конкретные технологии; 3) быть описаны простым и понятным языком в простых и воспринимаемых каждой категорией информационных материалах («шортсы», комиксы, фанфики, ролики, стримы, подкасты, листовки и плакаты и т. д.).

5. Недостаточно запрещать вредную информацию, ее нужно замещать. Политическая деятельность — это информационная борьба за сознание общества. Борьба за сознание человека происходит в форме интеллектуальной экспансии различных идей. Если политика не дает внятных ответов на тревожащие людей вопросы, возникают сначала негативные психологические явления в форме дезориентации, деморализации, а вслед за этим — социально-экономические и политические кризисы. В таких обстоятельствах люди становятся восприимчивы к любым идеям, помогающим им вернуть хоть какие-то ориентиры в мире наступившего хаоса. «Свято место пусто не бывает». Если общество, государство не предоставляют людям это объяснение, то они будут искать его сами.

6. Нужно противопоставить другую, встречную интеллектуальную экспансию, политическую эпидемию со знаком «плюс». Вместо разгона деструктивной политической эпидемии «Россия на нас нападет» необходимо предложить позитивный и конструктивный образ нашей страны: зачем Россия нужна миру? каков образ России для других стран? При этом прошлые достижения страны не имеют значения, необходимо перестать отсылать к нашему великому прошлому, нужно описать наши конкурентные преимущества в настоящем — зачем мы нужны миру?

7. На внутреннем информационном рынке рекомендуется работать через лидеров общественного мнения, экспертное сообщество и других субъектов интеллектуальной экспансии (инструмент опосредованной интеллектуальной политики — та самая «мягкая сила»). Но их нужно готовить, обучать; это не штучный товар, а большое количество людей, которых нужно организовывать и дополнительно готовить, обсуждая с ними содержание интеллектуальной экспансии.

8. Специалисты в области политического мышления, когнитивных процессов могут быть привлечены к профессиональной оценке реализуемых программ интеллектуальной экспансии. Возможна даже экспресс-оценка информационных продуктов, а также законотворческих инициатив в режиме их проверки до непосредственной реализации и/или выхода в эфир и публикации в различного рода СМИ и Интернете.

9. На круглом столе было предложено создание Центра психологической и когнитивной экспертизы на базе СЗИУ РАНХиГС. Необходимо переводить информационные сигналы, которые формулирует власть, на язык, который готово понимать и воспринимать общество. Сейчас даже провластные ТВ-программы и ток-шоу зачастую вызывают у слушателя/зрителя противоположный эффект, вводят в деструктивные психологи-

ческие состояния, развивают и усиливают тревогу, депрессию, стресс и так далее, снижают способность воспринимать информацию, работают на эскалацию и без того негативных эмоций и накопленного стресса.

10. Рекомендуется провести научно-исследовательскую работу по обсуждению и разработке такой позитивной повестки, образа будущего, образа России и так далее с привлечением широкого круга специалистов как по содержанию образа (философы, психологи, политологи, социологи и т. д.), так и деятелей культуры и искусства, непосредственно отвечающих за форму донесения образа до широкой аудитории, с обязательными практическими предложениями по реализации.

Участники дискуссии

1. **Малышева Наталья Александровна**, эксперт, Экспертный совет Государственной Думы РФ.
2. **Хмелёва Анна Александровна**, депутат Законодательного собрания Ленинградской области, секретарь попечительского совета Фонда содействия восстановлению объектов истории и культуры.
3. **Апостолевский Иван Кириллович**, депутат Законодательного собрания Ленинградской области, руководитель фракции КПРФ.
4. **Климачёва Ирина Алексеевна**, глава МО поселок Стрельна.
5. **Скрипков Алексей Павлович**, руководитель проекта, Экспертный клуб «ИТ-Диалог».
6. **Ивлева Диана Ринатовна**, главный консультант председателя контрольной группы Законодательного Собрания Санкт-Петербурга.
7. **Шошина Ирина Ивановна**, д-р биол. наук, профессор, главный научный сотрудник Института когнитивных исследований СПбГУ, председатель научной комиссии в области когнитивных наук.
8. **Барандова Татьяна Леонидовна**, канд. социол. наук, доцент СЗИУ РАНХиГС и СПбГУ.
9. **Степакова Ирина Владимировна**, канд. полит. наук, начальник учебного отдела по направлению «Политология» учебного управления ректората СПбГУ.
10. **Бродовская Елена Викторовна**, директор Института гуманитарных технологий и социального инжиниринга, Финансовый университет при Правительстве РФ.
11. **Сафонова Ольга Диомидовна**, канд. полит. наук, доцент факультета политологии СПбГУ.
12. **Склярова Наталья Юрьевна**, канд. пед. наук, первый проректор МПГУ, директор Всероссийского научно-методического центра «Философия образования».
13. **Никитина Елена Юрьевна**, руководитель Центра региональных исследований, Фонд развития гражданского общества.

14. **Суслова Марина Юрьевна**, старший преподаватель кафедры социальных технологий СЗИУ РАНХиГС.
15. **Чайка Виктория Николаевна**, канд. юрид. наук, доцент Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России.
16. **Халилов Тимур Александрович**, канд. полит. наук, доцент кафедры педагогики и психологии Кубанского государственного университета.
17. **Мельников Валерий Григорьевич**, начальник отделения учебной лаборатории, ВКА им. А. Ф. Можайского.
18. **Катышев Михаил Валерианович**, председатель правления НП «Российское общество профессионалов конкурентной разведки».
19. **Алексеев Игорь Геннадьевич**, редактор, ГТРК «Санкт-Петербург».
20. **Градова Нелли Александровна**, канд. психол. наук, директор ООО «Тим Инфо».
21. **Иванова Альбина Станиславовна**, генеральный директор НП ЦППИ.
22. **Татьянина Людмила Георгиевна**, канд. психол. наук, доцент кафедры социальных технологий СЗИУ РАНХиГС.
23. **Плинер Ксения Олеговна**, политический психолог, аналитик.
24. **Траурих Анна Сергеевна**, заместитель главы администрации по внутренней политике, Администрация МО Кингисеппский муниципальный район Ленинградской области.
25. **Цветкова Екатерина Евгеньевна**, заместитель председателя, начальник отдела по взаимодействию с поселениями и развитию общественных инициатив комитета по местному самоуправлению, межнациональным отношениям, Администрация МО Кингисеппский муниципальный район Ленинградской области.
26. **Васильева Дарья Михайловна**, председатель комитета, Администрация МО Кингисеппский муниципальный район Ленинградской области.
27. **Митчин Константин Константинович**, преподаватель кафедры социальных технологий СЗИУ РАНХиГС, политический психолог.
28. **Яковлев Константин Евгеньевич**, политолог, социальный архитектор.
29. **Мазур Олег Анатольевич**, председатель исполкома ОД «Культурная столица — культурная страна».
30. **Миланич Александр Эдуардович**, политический психолог.
31. **Мокшанова Екатерина Владимировна**, психолог, РАНХиГС.

32. **Устинов Константин Сергеевич**, data analyst, VoxPopuli research agency, политический психолог.
33. **Козырева Лариса Дмитриевна**, д-р филос. наук, профессор кафедры социальных технологий СЗИУ РАНХиГС.
34. **Кирюхина Елена Викторовна**, старший специалист Главного следственного управления Следственного комитета РФ по г. Санкт-Петербургу, подполковник юстиции.
35. **Цинченко Галина Михайловна**, канд. социол. наук, доцент кафедры социальных технологий СЗИУ РАНХиГС.
36. **Огарёва Екатерина Ивановна**, канд. психол. наук, доцент кафедры социальных технологий СЗИУ РАНХиГС.
37. **Кутейников Алексей Николаевич**, канд. психол. наук, доцент кафедры социальных технологий СЗИУ РАНХиГС.
38. **Папушев Игорь Андреевич**, политтехнолог.
39. **Моторин Денис Иванович**, канд. психол. наук, факультет политологии СПбГУ.
40. **Щербакова Наталия Викторовна**, канд. психол. наук, политический психолог, психолог ОВО по Кировскому району г. Санкт-Петербурга.
41. **Никифорова Любовь Юрьевна**, канд. психол. наук, политический психолог, коммерческий директор ООО «Авантаж».
42. **Аль-Дайни Мария Ахмедовна**, МГУ имени М. В. Ломоносова.

А также другие участники, не успевшие пройти регистрацию.

Сведения об авторах

Аксенов Константин Эдуардович, доктор географических наук, профессор кафедры региональной политики и политической географии СПбГУ — *глава 12*.

Бурикова Инга Сергеевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальных технологий СЗИУ РАНХиГС — *предисловие*, *глава 20*, *аналитическая записка по результатам круглого стола памяти профессора А. И. Юрьева «Политическая психология и когнитивные войны»*.

Ветренко Инна Александровна, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой социальных технологий СЗИУ РАНХиГС — *глава 19*.

Гавра Дмитрий Петрович, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой связей с общественностью в бизнесе Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций СПбГУ, почетный профессор СПбГУ — *глава 10*.

Дейнека Ольга Сергеевна, доктор психологических наук, профессор, и. о. заведующего кафедрой политической психологии СПбГУ — *глава 13*.

Джгамадзе Кристина Бадровна, кандидат политических наук, эксперт департамента политических исследований АЦ ВЦИОМ — *глава 14*.

Ершов Александр Викторович, кандидат психологических наук, политический психолог-консультант — *глава 17*.

Забарин Алексей Владимирович, кандидат психологических наук, доцент кафедры политической психологии СПбГУ — *глава 16*.

Катков Александр Лазаревич, доктор медицинских наук, профессор, руководитель исследовательских и образовательных программ Международного института социальной психотерапии, вице-президент ОППЛ, председатель Международного ученого совета по психотерапии — *глава 7*.

Кефели Игорь Федорович, доктор философских наук, профессор, директор проекта НИЛ стратегического планирования и евразийской интеграции СЗИУ РАНХиГС, заместитель главного редактора журнала «Евразийская интеграция: экономика, право, политика» — *глава 3*.

Коновалова Мария Александровна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальных технологий СЗИУ РАНХиГС — *глава 6.*

Медяник Ольга Викторовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры управления рисками и страхования СПбГУ, руководитель программы магистратуры СПбГУ «Поведенческая экономика и экономическая психология» — *глава 18.*

Мельник Галина Сергеевна, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры цифровых медиакоммуникаций Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций СПбГУ — *глава 4.*

Минченко Евгений Николаевич, президент Российской ассоциации по связям с общественностью, директор Центра социальной архитектуры МГИМО — *глава 1.*

Огнёв Александр Сергеевич, доктор психологических наук, профессор, заместитель директора Института гуманитарных технологий и социального инжиниринга Финансового университета при Правительстве Российской Федерации — *глава 9.*

Попова Ольга Валентиновна, доктор политических наук, профессор кафедры политических институтов и прикладных политических исследований СПбГУ — *глава 15.*

Пушкина Мария Александровна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальных технологий СЗИУ РАНХиГС — *предисловие*.

Решетников Михаил Михайлович, доктор психологических наук, профессор, ректор Восточно-Европейского института психоанализа — *глава 2.*

Рябоконь Андрей Алексеевич, депутат Законодательного Собрания Санкт-Петербурга — *глава 5.*

Уралов Семён Сергеевич, КубГУ, шеф-редактор СОНАР-2050, российский политический технолог, медиатехнолог, журналист, писатель и блогер — *глава 8.*

Хлутков Андрей Драгомирович, доктор экономических наук, профессор, директор СЗИУ РАНХиГС — *приветственное слово*.

Шевцов Владимир Сергеевич, доктор политических наук, кандидат психологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет — *глава 11.*

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Круглый стол
памяти профессора А. И. Юрьева
«ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И КОГНИТИВНЫЕ ВОЙНЫ»

Монография

Директор издательско-полиграфического центра *Е. Ю. Князев*
Заведующий издательским отделом *Е. Г. Закревская*
Редактор *Т. А. Темкина*
Корректор *В. Б. Куликова*
Верстка *С. И. Широкой*

Подписано в печать XX.XX.2026.
Дата выхода в свет XX.XX.2026.
Гарнитура Newton.
Формат 60×90 $^{1}/_{16}$. Усл. печ. л. 7,5.
Тираж 500 экз.

Комплекс издательско-полиграфических работ выполнен
в издательско-полиграфическом центре
Северо-Западного института управления
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
199004, Санкт-Петербург, 8-я линия В. О., д. 61.
Тел.: (812) 335-42-10. Факс: (812) 335-42-16. E-mail: ph-sziu@ranepa.ru